

МЕНЯ ЗОВУТ ГУДВИН

ГЛАВЕН
Корпус

Павел Николаевич Корнев
Меня зовут Гудвин
Серия «О(стать)ся человеком», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74036192

Аннотация

Через меня пропустили высоковольтный разряд, но очнулся я не в аду, а в какой-то совсем уж альтернативной реальности с технологиями восьмидесятых годов прошлого века и кое-какими реалиями тоже прямиком оттуда. А ещё тут хватает всяческих нелюдей, я и сам теперь двухметровый зеленокожий громила-орк – санитар в бригаде скорой помощи с окладом в восемьдесят рублей, дружинник на общественных началах и начинающий экстрасенс.

Минусы? Кажется, меня снова хотят убить.

Содержание

Раз	4
Два	45
Три	92
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Павел Корнев

Меня зовут Гудвин

Раз

Меня сглазили. Давным-давно. В позапрошлой жизни. А то и раньше.

Ну а потом одно начало наматываться на другое, так вот я и очутился в кабинете с неброской обстановкой, выходящим на деревья с пожелтевшей листвой окном, гербом со схемой строения атома на стене и средних лет мужчиной в сером костюме за столом с парой дисковых телефонных аппаратов. Ах да! Ещё за моей спиной прохаживался упырь.

Не дядя Вова, упырь из конторы. Старый знакомый, ля!

Собственно, в контору на разбор полётов нас с места происшествия и привезли. Нас – это меня, дядю Вову и Жору. Дарью, благо она ничего и не видела даже, отправили прямоком в больницу с закрытой черепно-мозговой травмой, си-речь сотрясением мозга: как я и предположил изначально, лбом о ветровое стекло она приложилась весьма и весьма неслабо.

Ну и началось: разделили, опросили, хорошенько прополоскали мозги.

Не промыли, хотя были способны и на это, лишь пропо-

лоскали, но и так голова у меня попросту трещала, а пальцы подрагивали. Впрочем, тут уж скорее сказывалось противостояние с эльфом-экстрасенсом, а не утомительный допрос. Противостояние с эльфом-экстрасенсом, которого не было, ага. Ни противостояния, ни даже самого эльфа. Обоих не было. Каждого по отдельности и обоих вместе.

– Тебе всё ясно? – уточнил хозяин кабинета. Как его там зовут, я попросту не запомнил. Было не до того. Уяснил для себя только, что беседой меня удостоил сотрудник госбезопасности в чине майора.

– Типа того, – вздохнул я.

– Не слышу уверенности в голосе! – нахмурился майор.

– Он сообразительней, чем кажется, – заступился за меня упырь – тот самый, который и проверял в первый день моего появления в этом мире. – Ты ведь сообразительный, Гу?

– Меня зовут Гудвин, – сказал я, не повышая голоса.

– Ты же не стилига? К чему тебе преклонение перед западным образом жизни?

– Опять за рыбу деньги, – поморщился я. – По паспорту я Гудвин, на работе я Гудвин, и даже в вашем собственном протоколе я обратно Гудвин, так чего мозги канифолить? Сказал же: до лампочки мне великая эльфийская культура! Эльфийки интересуют, культура их и даром не сдалась. От некультурных эльфиек толку больше.

Упырь усмехнулся.

– И даже не разозлился почти! Кремень, а не орк.

Майор поморщился.

– Жаль только не помнит то, что нужно, и знает то, что посторонним знать не следует!

– Заставить забыть ненужное – не проблема, вот только вмешательства такого рода в сознание индивидуумов с повышенной ментальной устойчивостью... – Упырь замялся. – Обычно неаккуратны и потому крайне заметны, к тому же не остаются без последствий в плане психических отклонений. Лучше бы до такого не доводить.

– Это всё понятно. Но неужели так сложно прочистить ему память?

– Увы, в момент интересующих нас событий Гу пребывал не просто без сознания, а в состоянии, схожем с клинической смертью. Он ничего не видел и не слышал, а потому ничего вспомнить попросту не способен.

В момент интересующих нас событий?

Вот тоже странно, с чего это банальное нападение на бригаду скорой помощи, совпавшее с моим появлением в этом мире, обернулось сначала приездом спецназа, затем появлением сотрудников госбезопасности, и лишь после них на место преступления прикатила опергруппа уголовного розыска?

Момент это был принципиальный, но одновременно и крайне скользкий, к тому же несказанно больше в заявлении упыря меня озадачило совсем другое.

– О как! – выдал я, оборачиваясь. – Интересно девки пля-

шут! А можно ментов об этом в известность поставить, чтобы они уже наконец отстали?

– Во-первых, не ментов, а сотрудников милиции! – возмутился майор госбезопасности. – А во-вторых, нет – нельзя. И ты тоже об этом обстоятельстве помалкивай.

– Но они же попусту тратят своё рабочее время и мои нервы! Ещё и пси-концентрат зазря переводят!

– Не зазря. Капельницы с пси-концентратом способствуют скорейшему развитию экстрасенсорных способностей, а страна сейчас как никогда нуждается в новых экстрасенсах! Справиться с дефицитом медпрепаратов несказанно проще, нежели воспитать грамотных специалистов! – объявил прохаживавшийся за моей спиной упырь. – К тому же, если сотрудники отдела по контролю экстрасенсорных проявлений вдруг одновременно от тебя отстанут, это может сузить нашим оппонентам спектр версий. Не говоря уже о том, что в этом случае работникам одного отдела придётся пойти на должностной подлог и выдать заключение без проведения полноценной проверки.

«И ещё их придётся посвятить в происходящее, а в этом случае кто-нибудь запросто может сболтнуть лишнего, – подумал я и мысленно же добавил: – Или не случайно, если оппоненты госбезопасности умеют работать хотя бы вполноту столь же хорошо, как работали в моей реальности»

Ничего этого вслух я произносить не стал. Вздохнул и напомним:

– Это всё здорово, но когда меня под медикаментозным гипнозом спросят о сегодняшнем инциденте, я выложу всё начистоту и случившееся уже не получится объяснить ни стремлением трёх случайных уголовников похитить пси-концентрат, ни даже их неслучайным желанием отыскать пропавшего врача!

Ну да – именно вторую версию и было решено озвучить сотрудникам прокуратуры, коим предстояло вскорости рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела по поводу нападения на бригаду скорой помощи, приведшего к гибели трёх человек.

– А с чего бы им интересоваться сегодняшним инцидентом? – удивился майор, но как-то не слишком убедительно.

– Должны же они будут отработать версию о связи между тем и этим эпизодами. Опять же – спросят хотя бы просто в силу того, что такую возможность получают. Мало ли что я упустить мог? Случай-то резонансный!

– Поразительно богатый словарный запас для только-только приехавшего в город орка, – отметил упырь. – Резонансный случай, ну надо же!

– Так опер из отдела по контролю экстрасенсорных проявлений сказал, а на память я не жалею! – огрызнулся я.

– Сегодняшнее нападение на вашу бригаду относится к нашей компетенции, – объявил хозяин кабинета. – И никто посторонний его обстоятельствами интересоваться не станет.

– Так чего бы вам и предыдущий случай себе не забрать, раз они связаны?

– Мы будем ходатайствовать об этом, но даже если и заберём, убийство твоего напарника, нападение на тебя самого и сопутствующее хищение препаратов строгой отчётности точно выделяют в отдельное производство. Оснований опротестовать тебя у сотрудников милиции будет предостаточно. И мы не станем рекомендовать им от этого воздержаться.

Я покачал головой, и упырь тотчас склонился к плечу.

– Не о том беспокоишься! – заявил он. – Позаботься лучше о том, чтобы на принудительную психиатрическую реабилитацию не загреметь. Если прокурор сочтёт тебя социально опасным, следующий месяц вместо пси-концентрата галоперидол колоть станут!

Хозяин кабинета кивнул.

– Мы своё мотивированное суждение до прокуратуры, конечно, донесём, но у них своя голова на плечах. Опять же, если кого-то на каждом шагу опекать надо, то в дурке ему самое место.

– Ну да! – скривился я. – Рассказывайте! Будто я не живец!

– Решат достать, достанут и в психушке, – уверил меня упырь. – Но раз до сих пор не достали, ничего такого уж важного во время твоей отключки не прозвучало. Скорее всего, гражданин Окунь просто пытался избавиться от тебя, как от опасного свидетеля. Никто ведь больше не сможет показать,

что это именно он убил второго санитаря!

Мне озвученная условно живым сотрудником госбезопасности версия убедительной отнюдь не показалась, но спорить я не стал и лишь вздохнул.

– Как скажете...

Это моё полное нескрываемого скептицизма заявление собеседники проигнорировали и приказали выметаться.

– В коридоре посиди, – сказал напоследок упырь.

Я так и поступил. В итоге долго ожидание не продлилось, и уже четверть часа спустя меня препроводили во внутренний двор, где курил дядя Вова. Находился упырь там не сам по себе, а под приглядом двух молодых людей. Жоры нигде видно не было – думал, ещё не привели с допроса, но тут подъехал чёрный служебный автомобиль, и нам с фельдшером велели забираться на задний диванчик.

– А Жора как же? – удивился я.

Дядя Вова выкинул окурочок в урну, откашлялся и плюнул следом, после чего пояснил:

– Жора о руль ребро сломать умудрился, в больницу увезли.

Затем он безо всякой спешки двинулся к блестящей свежей полировкой машине, я же повернулся к препроводившему меня во двор упырю.

– А халат?

– В багажнике, – пояснил тот. – Двигай!

После того, как я присоединился к дяде Вова, он сел ря-

дом с водителем, но только лишь двумя сопровождающими дело не ограничилось: почти сразу позади нашего автомобиля пристроился ещё один, таким составом мы и пока- тили в прокуратуру. Правда, с тем же успехом могли прой- тись пешком, ведь располагалось надзорное ведомство в со- седнем квартале. Там нас с дядей Вовой зарегистрировали и препроводили в приёмную какой-то местной шишки. Пер- выми беседы с ним удостоились упырь из конторы и упырь из скорой, ну а я остался скучать на диванчике.

Отстрелялся дядя Вова буквально в пять минут, а вот я только переступил через порог и сразу сообразил, что мне так определённо не свезёт: очень уж недобро уставился ми- лицейский полковник, даром что главным в кабинете был от- нюдь не он и даже не условно живой представитель контр- разведки, а восседавший во главе стола для совещаний со- трудник прокуратуры.

Мужчина средних лет – высокий, но грузный и уже начи- нающий лысеть, внимательно меня оглядел, после разрешил присаживаться и заявил:

– На повестке дня стоит вопрос о возбуждении уголовного дела по факту убийства двух и более лиц. Тебе это ясно?

– Не виновен! – сразу заявил я. – Нет в моих действиях... этого самого... А! Состав преступления, вот!

Инструктировавший меня упырь глянул недобро, но про- молчал, а прокурорский с усмешкой спросил:

– И почему же? Ты ведь их убил!

– А я не нарочно!

– Думаешь, тебя это оправдывает? – нахмурился милицкий полковник. – Для тебя даже состояние ярости смягчающим обстоятельством не является! У тебя же пси-разряд!

– Так я и в ярость не входил, – пожал я плечами. – Говорю же: не нарочно! Не было с моей стороны умысла на причинение вреда! Просто так получилось!

– Просто получились два трупа? – поднял брови прокурор.

– Они первые начали! В смысле, напали! Необходимая оборона же! И я не хотел никого убивать! Вообще убивать не собирался! Да у меня ж показания сняли, там всё написано!

Хозяин кабинета вздохнул.

– Написано. – Он отложил протокол моего допроса и посмотрел на упыря. – Вам есть что добавить по существу дела?

– Мы ходатайствуем о передаче...

Прокурорский поднял руку.

– Этот вопрос будет рассмотрен в рабочем порядке!

Но не тут-то было. Возмутился полковник.

– На каком основании вы связываете эти два случая?

В ответ на стол легло моё заявление о нападении трёх неустановленных лиц с целью выяснения текущего местонахождения Окуня М. М. с отметкой о приёме дежурным горотдела милиции.

– На основании заявления пострадавшего. Которое, к сло-

ву, не было доведено до сведения органов госбезопасности!

Как видно, отношения милиции и конторы в этом мире особой теплотой тоже не отличались, но вникнуть в суть претензий одного ведомства к другому не получилось из-за того, что меня выставили в приёмную. Как видно, прокурор просто пожелал увидеть собственными очами укокошившего двух уголовников орка, дабы оценить его адекватность, прежде чем принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Ну или о возбуждении оного, покажись я вдруг ему социально опасным. И как бы ещё таковым ему не показался...

– Смотрю, к тебе цепляться не стали, – произнёс я, присаживаясь рядом с дядей Вовой.

Тот глянул в ответ с хитринкой и усмехнулся.

– Третий пси-разряд, два пулевых ранения в грудную клетку, условно живой. Тут даже не просто необходимая оборона, тут прямые медицинские показания.

«Хорошо тебе», – хотел было сказать я, но вовремя прикусил язык, поскольку лично мне становиться условно живым нисколько не хотелось.

– А меня крутить будут, – заявил вместо этого.

– С чего бы это? – вроде как удивился дядя Вова.

Я мог бы сослаться на опыт, только откуда бы такому опыту взяться у приехавшего из неведомой дыры орка? Вот с обречённым вздохом и произнёс:

– Нюхом чую.

– Жопой, ты хотел сказать? – подколол меня фельдшер, приложил ко рту кулак и откашлялся.

– Пока ещё нет, – передёрнул я плечами. – Пока ещё только нюхом...

Дядя Вова провёл ладонью по обритой голове и скривил уголок рта.

– Ну, посмотрим.

Я подался к фельдшеру и, понизив голос, спросил:

– А к чему это вообще, если первыми на место менты прибыли? Они ж видели, как всё на самом деле было!

Упырь кинул быстрый взгляд на секретаря и улыбнулся широко и радостно, показав иглы узких клыков.

– Думаешь, так сложно воспоминания подрихтовать? Нет, помочь вспомнить то, чего не было – это действительно постараться надо, а вот заставить кое-что забыть несказанно проще.

– Они ж при исполнении были! – чуть ли не прошипел я в ответ.

– Именно! – кивнул дядя Вова и несколько раз гулко бухнул, закашлявшись, даже постучал себя ладонью по груди. – Это получение санкции на ментальное вмешательство лишь упростило.

Я в правовую сторону вопроса предпочёл не углубляться, вместо этого задумчиво произнёс:

– Понять не могу, на что Михалыч рассчитывал...

– В смысле – на что рассчитывал? – удивился упырь. – Те-

бя действительно интересуется, почему он по кривой дорожке пошёл, зная о неминуемом воздаянии?

– С этим пусть следствие разбирается, – мотнул я головой. – О нападении речь. Вот на что он надеялся, а?

– Известно на что! – скривился дядя Вова. – На то, что они меня с тобой пришьют, заберут кейс с препаратами строгой отчётности и выставят всё так, будто именно за ними преступники и охотились.

– Пришьют? – ухмыльнулся я. – Недоделанный экстрасенс и три чудака с ножом, револьвером под мелкашку и ружьём для подводной охоты пришьют упыря и орка-экстрасенса?

Дядя Вова воздел к потолку указательный палец.

– Именно что с ружьём для подводной охоты! – веско произнёс он. – Стрела там какая? Правильно – стальная. Вот!

– И что с того? – не понял я.

Упырь вновь закашлялся и даже сплюнул мокроту в носовой платок, прежде чем пояснить:

– Не попади гарпун в кейс, Михалыч бы на него напряжение подал и потроха мне поджарил. Ну а тебе, экстрасенс недоделанный, и мелкашки за глаза хватило бы. Понаделали бы дырок, а затем просто добили.

Я зябко поёжился.

– Суки!

– Суки! – согласился со мной дядя Вова и вдруг согнулся, скрюченный неожиданно сильным приступом кашля в три погибели, а после и вовсе повалился на пол и забился в су-

дорогах. На бледных губах выступила кровавая пена.

– Ноль-три звони! – рявкнул я на опешившего секретаря, а сам подскочил к двери кабинета, распахнул её и крикнул: – Человеку плохо! Упырю, в смысле!

Все мигом выскочили в приёмную, и прокурор начал сыпать распоряжениями, но упырь из госбезопасности его перебил:

– Нужно колоть антигистаминное! – Он навалился на фельдшера и позвал меня: – Помогай!

Вдвоём мы худо-бедно зафиксировали дядю Вову, и я спросил:

– Может, ему крови дать?

– Нельзя! Его с неё и корёжит! Аллергия!

Я подумал, что до приезда бригады скорой помощи бившийся в корчах фельдшер точно не дотянет, но тут из коридора в приёмную ворвался средних лет дроу в штатском с чемоданчиком вроде тех, в которых мы таскали по вызовам препараты из числа обычных.

Крепко сбитый блондин моментально сориентировался в происходящем и скомандовал:

– Держите его!

На то, чтобы отломить кончик ампулы и наполнить стеклянный шприц у него ушло совсем немного времени, но дядя Вова за эти секунды едва не перешёл из разряда условно живых в категорию безусловно мёртвых. Надсадный кашель сменился сдавленным сипом, а рывки ослабли, фельдшер за-

сучил ногами по полу.

Наверное, именно поэтому тёмный эльф и не стал распарывать пациенту рукав и возиться с веной в сгибе локтя, а сначала сделал инъекцию прямо в шею и только после этого распорядился:

– Освободите ему руки!

Ножа у меня при себе не было, и мелькнула мысль непременно что-нибудь в этом роде купить, а вот упырю из конторы никаких подручных средств не понадобилось вовсе: в пару неуловимых движений он превратил рукава белого халата в сплошные лохмотья. Ногти – что твои бритвы!

Повторный укол оказался ещё даже действенней первого, и дядя Вова разом обмяк, а его дыхание хоть и осталось прерывисто-неровным, но из него полностью пропали сипы и хрипы. Дроу-медик тем временем наполнил сразу три шприца, выложил на стол спортивный секундомер и сказал секретарю:

– По моей команде начинай отсчёт! По пятнадцать секунд!

Первым он вколол нейтрализатор, и лицо фельдшера начало стремительно сереть, но окочуриться дядя Вова не успел, поскольку четверть минуты спустя тёмный эльф сделал инъекцию антидота, а ещё немного погодя пришёл черёд и пси-концентрата.

– Всё! – заявил он, поднимаясь после этого на ноги. – Состояние я стабилизировал, дальнейшее выходит за рамки

первой помощи и находится вне пределов моей компетенции.

– Жить будет? – спросил прокурор.

Медик глянул на упыря из конторы и скривил уголок рта.

– Продолжит существовать. Если, конечно, в разумные сроки прибудет реанимационная бригада.

В итоге дроу ещё только акт расхода пси-концентрата подписывал, когда в приёмную заявились врач, фельдшер и парочка крепких санитаров. Дядю Вову погрузили на носилки и унесли, дабы доставить в реанимационное отделение родной третьей городской больницы, ну а мне выпало посетить медицинское заведение иного рода: отправили в институт судебной психиатрии и чего-то там ещё.

– А никак без этого не обойтись? – недовольно пробурчал я, когда упырь из конторы завёл меня в приёмный покой.

– Прокурор не счёл нужным отходить от правил, – пожал тот в ответ плечами.

– Он прям всех убийц на освидетельствование отправляет?

– Не всех. Только орков.

– А-а! – понимающе протянул я. – А-а-а!

Упырь кивнул.

– Нам, к слову, тоже в твоей адекватности удостовериться лишним не будет. Стороннее мнение никогда не помешает. И это всё не показуха, а всерьёз – ты уж постарайся в дурку не загреметь.

Я промолчал.

В приёмном покое института с аквариумом регистратуры условно живой сотрудник органов безопасности отдал направление дежурной медсестре, после чего уселся на стул для посетителей и развернул газету. Я плюхнулся рядом, подумал, не попросить ли один из листов, но читать настроения не было, поэтому просто откинулся на спинку и закрыл глаза.

Минут пять спустя в приёмный покой заявился горный орк в белом халате – высокий и скорее жилистый, нежели мускулистый, с зеленовато-серой кожей. Он пролистал мои документы, огляделся и спросил:

– А где душегуб-то?

Не вставая со стула, я поднял руку и сказал:

– Туточки я!

– Двойное убийство? – уточнил фельдшер. – И вот так...

Упырь сложил газету и пояснил:

– Он смирный.

– Все они смирные, – покачал головой орк. – А потом кровь на потолке и кишки на стенах.

– Страсти какие! – напоказ поёжился я и обратился к своему сопровождающему из конторы: – Может, ну его – это освидетельствование? Может, сразу в дурку?

– Не паясничай! – потребовал условно живой сотрудник правоохранительных органов и сказал фельдшеру: – Я присутствую и пациента проконтролирую.

– Не положено так-то, – замялся сотрудник института. – Но раз по линии госбезопасности...

Упырь кивком указал мне на дверь. Я поднялся со стула, заложил руки за спину и шаркающей походкой киношного арестанта двинулся через приёмный покой в указанном направлении. По затылку немедленно прилетело свёрнутой в трубочку газетой.

– За что, гражданин начальник?!

– Сказано же было: не паясничай! Допрыгаешься!

В первом кабинете вёл приём лесной эльф. Долговязый белобрысый врач в белом халате принял от санитара мои документы и разрешил:

– Присаживайтесь! – Но уже буквально секунд через пятнадцать вскинулся: – Двойное убийство?! Почему пациент не зафиксирован должным образом?

– Товарищ из органов пообещал проконтролировать.

Эльф искоса глянул на упыря, покачал головой и уточнил:

– Под яростью был?

Я вздохнул.

– Да какая разница? У меня ж второй пси-разряд. В полной мере осознаю себя в любом состоянии.

Врач передвинул к себе какой-то бланк и повторил вопрос:

– Так да или нет?

– Нет.

Он задал ещё несколько вопросов, а когда опросный лист

оказался заполнен, пришёл черёд психологических тестов. Для начала потребовалось три раза кряду отсортировать разноцветные квадратики в порядке предпочтения оттенков, затем мне начали показывать мазню, именовавшуюся в нашем мире кляксами Роршаха. К ним подмешали пустой лист, и в ответ на вопрос о том, что там изображено, я без заминки сообщил:

– Свобода!

Врач сделал стойку.

– Поясни!

– Белое – значит, снег. Получается, всё снегом замело, и только я па тундре, па...

По затылку вновь прилетело свёрнутой в трубочку газетой, а эльф вроде как даже обиженно спросил у приложившего меня упыря:

– Он издевается, да?

– Он в шоке. Он двух человек сегодня жизни лишил.

– В порядке необходимой обороны! – счёл нужным отметить я, обернулся и предупредил: – И полегче с газеткой. Укушу.

– Ладно, – буркнул эльф, – спишем на шок. – И повторил: – Так что изображено на листе?

– Изображение отсутствует.

– Так-то лучше. – Врач отложил карточки, словно опрос затевался исключительно ради одного только этого пустого листа и предупредил: – Станешь шутить с профессором, та-

кой диагноз поставят, что за счастье будет просто ежедневными клизмами отделаться. – И он протянул орку-фельдшеру заполненные бланки: – Проводи.

Я врачу поверил и в следующий кабинет прошёл тихо и скромно, а там – целая комиссия. Круглолицый упитанный дядечка и худощавый белобрысый эльф пили чай, ещё один эльф, только темноволосый и крепко сбитый, раскладывал на столе перед собой авторучки и ровнял стопку листов.

Сопроводивший нас сюда орк указал мне на стул посреди помещения, после чего положил документы на стол и вернулся, встал за спиной так, чтобы в один миг оказаться рядом. Упырь же подошёл к сотрудникам института и обменялся со всеми вполне себе приятельскими рукопожатиями.

– Опять у вас всё с подвывертом, – вздохнул круглолицый дядечка, определённо имея в виду меня.

– Работа такая, – развёл руками сотрудник госбезопасности.

– Полагаете, рассматриваемый объект не представляет опасности для общества?

– Полагаем, – подтвердил представитель госбезопасности и кинул на меня предостерегающий взгляд, но я всерьёз отнёсся к заявлению эльфа из предыдущего кабинета и потому от требования именовать себя не «объектом», а «субъектом» воздержался.

– Посмотрим, посмотрим, – вновь вздохнул явно скептически настроенный профессор. – Так вы, юноша, получает-

ся, людей сильно не любите?

– Чего это? – озадачился я. – У меня лучший друг из ваших. Из людей, в смысле.

– Да неужели? И кто же это, если не секрет?

– Фельдшер дядя Вова. Правда, он упырь.

– То есть вам нравятся мёртвые люди? – поинтересовался тогда у меня профессор.

Я перевёл взгляд на сотрудника госбезопасности.

– Таки да? А дядя Вова утверждал, что он условно живой.

Профессор легонько постучал по столу.

– Пациент, вам нравятся мёртвые люди?

День выдался не из лёгких, и я не удержался, дал выход раздражению:

– Нет, я мяса не ем.

Повисла напряжённая пауза, после которой дядечка спросил:

– А почему ты воспринял мой вопрос исключительно в гастрономическом плане?

– Так сами решили мне шовинизм пришить! – ухмыльнулся я. – А где шовинизм, там и людоедство. Орк же!

Занимавшийся катушечным магнитофоном эльф отвлёкся от аппаратуры и спросил:

– Вы испытываете раздражение? Насколько оно сильно по шкале от одного до десяти?

Я озадаченно хмыкнул.

– На троечку, пожалуй.

Профессор кивнул и уточнил:

– А в момент инцидента насколько была сильна злость по этой шкале?

– На нуле.

– Получается, двойное убийство было совершено не под влиянием эмоций?

– Ля-я-я! – протянул я досадливо. – Получается, я не собирался никого убивать!

– Но убили?

– Так получилось.

– И может получиться вновь?

Я задумался, затем покачал головой.

– Нет, не думаю. Точно нет! Снаряд в одну воронку дважды не падает.

– Ну-ну, – усмехнулся профессор, и тут распахнулась дверь, в кабинет прошло мертвое.

Хотя скорее всё же – прошёл. Был это бледный человек средних лет с мерцавшими синим светом глазами, который вместо обычного для мертвых дождевика с капюшоном облачился в простой деловой костюм.

– Комиссия в сборе! – объявил темноволосый поморский эльф, оказавшийся этой самой комиссии секретарём.

Эльф лесной и потому светловолосый дождался, когда мертвое займёт место за столом и включил катушечный магнитофон на запись, после чего секретарь скороговоркой протараторил вступительную часть с указанием даты и вре-

мени заседания, объявлением вслух моего имени и перечислением всех присутствующих.

– Гудвин, поведай нам о случившемся своими словами, – первым делом попросил профессор.

Я тяжело вздохнул и в который уже раз взялся рассказывать о событиях сегодняшнего дня:

– Заступил на смену в бригаду скорой помощи. Поступил вызов, поехали. В арке – хрясь! – лобовое столкновение! Меня опрокинуло, а ещё подняться не успел, как – брямс! – задние дверцы распахнулись, и в нашего фельдшера из ружья для подводной охоты гарпуном – фигакс! Гарпун – в кейс. Кейс для препаратов строгой отчётности стальной, рикошет! А фельдшер – упырь. Он наружу ка-а-ак ломанётся! Ему навстречу из пистолета – бац-бац!

Тут профессор не выдержал и дал знак лесному эльфу, а когда тот остановил запись, обратился к моему сопровождающему:

– Пациент издевается над нами или галлюцинирует?

Упырь покачал головой.

– Пока что он предельно точно излагает обстоятельства инцидента.

Профессор озадаченно хмыкнул и разрешил мне продолжать.

– Пальба, короче! – подытожил я, как только вновь закрутились бобины магнитофона. – И ещё боковую дверцу кто-то сдвигать начал. Ну я и ткнул наугад в щель гарпуном, что-

бы внутрь не лезли. Чисто пугануть, ля! А на улице – палят почём зря. Понимаю: выручать надо фельдшера. Схватил топор, выбрался наружу, а там дядя Вова весь в кровище на земле валяется, и какой-то мужик подельника прочь тащит. Тот увидел меня и руку с револьвером поднял, я в него топором и запулил. Да только как под локоть кто толкнул – топор выше прошел и обухом точнёхонько в висок второму засветил. Он – брык! Упал, значит, и подельника за собой утянул, не успел тот пальнуть. Я подбежал, а они оба уже того самого – ласты склеили. Стрелка-то, оказывается, фельдшер куснуть успел. Говорил уже, да, что он упырь? Ну и вот, ля! В итоге у фельдшера пара пулевых и ураганный отёк чего-то там из-за аллергии, у шофёра поломанное об руль ребро, а у интерна закрытая черепно-мозговая травма. Все в больнице загорают, мне теперь одному за три трупа отдуваться!

– Пстой! – остановил меня профессор. – Откуда третий труп взялся?

– Так гарпуном я шибко неудачно ткнул. Повредил чего-то там налёгчику в потрохах, он от внутреннего кровотечения и скончался, пока я коллегам первую помощь оказывал. Но за укушенного фельдшером налёгчика не в ответе. Двойное убийство мне инкриминируют. – Я для наглядности поднял вверх указательный и средний палец. – Двойное!

– И, как понимаю, ты не испытываешь из-за этих смертей ни малейшего раскаяния?

– Точняк! – кивнул я. – Ни малейшего! Я ж не виноват.

Умысла не было, просто так получилось. Оборона-самооборона, все дела. Но! – На сей раз я нацелил на потолок один только указательный палец. – Если б имелась возможность всё переиграть, то попытался бы смертоубийства избежать. И в будущем – тоже попытаюсь до такого не доводить. Борьбой займусь.

– Хотите сказать, тебе убитых всё же жалко?

– Не-а, – чистосердечно признался я. – Вот ни капельки! Фельдшера нашего жалко чуток и шофёра, это да – есть такое. Интерна ещё даже жальче – она ж головой лобовуху вынесла! А урок – нет. Но на будущее приложу все усилия к тому, чтобы до такого не доводить, а то уж больно мороки много за мертвецов отписываться.

– И в момент нападения не имело никакого значения, что преступниками были люди?

– Да по барабану мне было! – отмахнулся я. – Говорю же: первого я и не видел даже, просто гарпуном в щель наугад ткнул, чтоб внутрь не лез! И топор кидал не в того, в которого попал! А люди это или эльфы – попробуй ещё их уши разгляди!

– Но то, что это не орки, разглядеть ведь успел?

Заковыристый вопрос заставил задуматься, какой ответ на него окажется сочтён верным, тут-то я и уловил знакомую электрическую щекотку внутри черепа. Эльфы занимались своими делами: один контролировал магнитофон, другой стенографировал беседу, профессор смотрел с искрен-

ним интересом, но, судя по всему, экстрасенсом всё же не был, поэтому я перевёл взгляд на умертвие, который изредка что-то помечал карандашом в блокноте.

Я нахмурился, но всё же заставил себя сосредоточиться на разговоре.

– Касательно первого – точно нет. Понятия не имел, кто там внутрь лезет. По двум другим... Да чёрт его знает на самом деле! Кочевых тоже от людей так сразу не отличишь. Адреналин же! Кровища! Да и страшно, когда в тебя целятся. Всё внимание – на револьвер!

Внутри черепной коробки засвербело пуще прежнего, электрические мурашки заставили мотнуть головой и зло оскалиться.

– Коллега, ля! А давайте-ка полегче! – потребовал я. – Сосредоточиться же невозможно, когда мозги чешутся! У меня так-то второй пси-разряд!

– Тебя это раздражает? – как ни в чём не бывало уточнил человек, застрывший между жизнью и смертью.

– Ясен палец, раздражает! А кому такое понравится?

Зуд пошёл на убыль, профессор спросил:

– И почему же ты в момент нападения не впал в боевой раж, если у тебя аж второй пси-разряд?

Я озадаченно поскрёб затылок, поскольку и сам не знал ответа на этот вопрос.

– Так и впал бы ещё, наверное! Только тык-мык, и уже не нужно...

Профессор вроде как удовлетворённо кивнул, но пару минут спустя вновь вернулся к этому вопросу, при этом сформулировал его на сей раз совершенно иначе. Ну и пошло-поехало! Все кишки вымотали, прежде чем в приёмный покой разрешили вернуться. Там меня поместили под присмотр двух дюжих санитаров и фельдшера, но к разговорам ни орк горный, ни парочка орков таёжных оказались не расположены. Ни слова из них вытянуть не удалось, даже на вопрос об окладе не ответили.

Тоже мне коллеги, называется!

Ладно хоть, уходя, я выдернул у задержавшегося для беседы с медиками упыря свёрнутую в трубочку газету, поэтому нашёл чем себя занять. За минувшее с заселения в это тело время уже успел худо-бедно развить навык чтения, поэтому обошлось без долгой раскачки. Происшествия, прогноз погоды, премьеры нового театрального сезона, приезд иностранной делегации, рост международной напряжённости, разоружение и миру – мир, грядущие съёмки художественного фильма о трудовых буднях металлургов...

Листы оказались перепутаны, читал как придётся, а полностью ознакомиться с новостями не успел: распахнулась дверь, появился условно живой сотрудник госбезопасности. Проходя мимо, он забрал у меня газету и скомандовал:

– Пошли! – А уже на лестнице с недовольной гримасой заявил: – По самому краешку со своими хохмами прошёл-ся! Месяц теперь будешь у психиатра в третьей городской

наблюдаться. Если напортачишь, поставят на учёт, а там и до корректирующей терапии недалеко.

Я предпочёл не нарываться и промолчал.

– Заключение о психиатрическом освидетельствовании сразу по инстанциям разошлют, получать на руки ничего не нужно, – заявил упырь у служебного автомобиля, после чего поднял крышку багажника, достал из него и протянул мне белый халат. – В нагрудном кармане визитная карточка. Станет кто излишнее любопытство проявлять или тем паче психиконцентратом интересоваться, звони.

– А подкинуть? – заикнулся было я, но представитель госбезопасности об этом ничего и слушать не стал.

– Сам доберёшься! – отмахнулся он, уселся рядом с водителем и укатил прочь.

Ну да оно и к лучшему: деньги на проезд у меня при себе имелись, а увидит кто знакомый, как из такой вот машины высаживают, и вопросов не оберёшься. Их и так, конечно, не оберёшься, только это не повод всё ещё больше усугублять.

Стоп! А сколько времени-то?

Мне ж на курсы!

Прохожих поблизости не наблюдалось, к тому же оставалось лишь гадать, в какой именно части города нахожусь, но возвращаться в институт с его неразговорчивым персоналом несколько не хотелось, поэтому я перекинул белый халат через руку и, помахивая свёрнутой в трубочку газетой, которую так подрезал у зазевавшегося упыря, потопал вслед за

укатившим по переулку автомобилем. Ещё на подходе к углу соседнего здания расслышал шум транспорта, а повернул и очутился на оживлённой улице. Более того – вдали обнаружилось уже знакомое мне здание железнодорожного вокзала.

Памятуя о трамвайном кольце, троллейбусных проводах и автобусной остановке, двинулся в том направлении, заодно тормознул попавшегося навстречу городского орка. Стенеть ещё не успело, да и я был не в спортивном прикиде, а в медицинских брюках и рубаше, так что шарахаться от меня прилично одетый юноша с бледно-зелёной кожей не стал.

– Четверть седьмого, – подсказал он, взглянув на электронные часы с циферблатом примерно как у калькулятора, только поменьше размером.

– Благодарю, – небрежно кивнул я и продолжил свой путь.

Жрать хотелось просто неимоверно, а до центра повышения квалификации было ехать и ехать, так что решил заморить червячка в знакомом кафетерии. Несмотря на будний день, все столики оказались заняты, но у стойки было несколько высоких барных стульев с мягкими вращающимися сиденьями, вот на один такой я и взгромоздился.

– Привет, Жасмин! – обратился я к синеконной продавщице, которая как раз закончила пробивать очередной заказ и повернулась ко мне от кассы. – Будь добра, спаси от голодной смерти!

Брови лысой девицы взлетели на лоб.

– Мяса хочешь?

– Мяса не хочу. И за счёт заведения харчеваться не собираюсь. Скажи просто, что у вас из сытного есть? С сыром, творогом...

Жасмин хмыкнула.

– Ватрушки с творогом будешь?

– Давай! – Я выложил на стойку рубль и попросил: – И попить чего-нибудь горячего.

В итоге мне вручили бумажный пакет с ватрушками и стакан кофе, в который, судя по характерному вкусу, щедро намешали сгущённого молока.

– Так ты только пожрать пришёл? – вроде как даже обиженно произнесла продавщица, передвинув блюдечко со сдачей. – Не собираешься медосмотр мне с Жанной проводить?

Мне с Жанной?

Нельзя сказать, будто я откушенной ватрушкой подавился, но был весьма близок к тому. Даже приложился к стакану с кофе, чтобы кусок проглотить, прежде чем ответить:

– Ну не здесь же!

– Не здесь, – кивнула джинна. – В подсобке.

Синекожая девица вроде бы говорила на полном серьёзе, но я на провокацию поддаваться не стал, лишь фыркнул.

– Ты как себе это представляешь? Мы ж тут распугаем всех! Милицию вызовут!

– Так уверен в себе?

Я ответил широченной улыбкой.

– Да уж не сомневайся!

Но тут Жасмин отвлекли подошедшие к витрине посетители, и я занялся ватрушками. Попутно достал записную книжку и шариковую ручку-коротышку, внёс на страницу с буквой «К» номер с визитной карточки упыря.

Почему именно туда? Потому что капитан и потому что Кузнецов. Ещё и Константин. Опять же – «контора». Тут без вариантов.

В итоге озаглавил новый контакт «ККК», но и от карточки покуда избавляться не стал. Не сомнёшь такую и в мусорное ведро не выбросишь, а спичек нет. Надо купить и спалить.

К – значит конспирация.

Да, меня не вербовали и даже не склоняли к негласному сотрудничеству, но посторонним знать не стоило даже о самом факте общения с представителями контрразведки. И снова – «к», одно к одному!

Освободилась Жасмин, когда я уже расправился с ватрушками и допивал кофе.

– Какие планы на вечер? – поинтересовалась вдруг она.

– Как уже говорил, по вечерам я учусь, – сказал я с тяжёлым вздохом, но без особого сожаления, затем допил кофе и отодвинул от себя пустой стакан. – Весь сентябрь по минутам расписан, потом легче станет.

Взгляд продавщицы вдруг скользнул куда-то к входной двери, и лицо её разом сделалось дежурно-приветливым, искренности в улыбке не осталось ни на грош. Контраст ока-

зался столь разителен, что я едва не обернулся раньше времени. Но сдержался и сделал это, лишь когда за спиной прозвучало:

– Жасмин, дорогая! Неужели это тот самый герой, который спас тебя от хулиганов?

Говорившим оказался синекожий джинн – усатый и со стянутыми в хвост чёрными волосами. Среднего роста, подтянутый, но не мускулистый. Радужки – будто две капли ртути. Когда б не цвет кожи и глаз – человек и человек. Рубаха с коротким рукавом навывпуск, варёные джинсы, кроссовки. Запястье охватил стальной браслет наручных часов. Всё – сплошь импортное и фирменное.

– Да прям спас! – проворчал я и пожал протянутую руку, хоть делать мне этого и не хотелось.

– Арам! – представился джинн.

– Гудвин, – назвалса и я, не найдя причин промолчать.

Охватившее меня раздражение объяснялось отнюдь не внезапно вспыхнувшими чувствами к Жасмин и уж тем паче не проснувшимся вдруг орочьим шовинизмом, просто Арам определённо был спекулянтom и делягой, а я эту публику ещё в прошлой жизни на дух не переносил. Да и в нынешней любить барыг мне было не за что.

Ну в самом деле: тут зубы сделать не на что, а у этого прощелыги золотая печатка с прозрачным камушком на пальце, правое запястье увесистый браслет из жёлтого металла охватил, ещё и цепочка на шее. Как тут не позавидовать?

Я завидовать чужому благополучию не любил и вместо этого паскуднёного чувства предпочитал испытывать чистую и правильную классовую ненависть.

Ладно-ладно! Ещё и бесит! Орочья натура тоже о себе знать давала.

– По работе здесь? – уточнил джинн.

Я покачал головой.

– Нет, с машиной проблемы случились, вот и освободился раньше обычного со смены, заскочил перекусить.

– Сюда? – как мне показалось, совершенно искренне ужаснулся джинн. Он даже руками от избытка чувств всплеснул. – Хах! Ну не сюда же! Здесь в пяти минутах чебуречная есть, там мой брат заведующим. Чебуреки – пальчики оближешь! За один талон два вот такенных, – Арам развёл ладони сантиметров на тридцать, – дают! А нет талонов, там и с сыром, и с рыбой готовят, и с птицей, и вообще с чем угодно. Совсем не то, что с бараниной, но тоже сытно и вкусно. Не как здесь...

И вновь на его лице прорезалось искреннее выражение – на сей раз брезгливости.

– Это где такая чебуречная? – поинтересовался я.

– Прямо напротив городского базара, – подсказал джинн и предложил: – Едем?

– Увы, – качнул я головой, на сей раз несколько не кривя душой, – на учёбу пора. В другой раз загляну.

– Я подкину! – вызвался подвезти меня Арам. – Не воз-

ражай! Это самое меньшее, что я могу сделать за спасение моей ненаглядной Жасмин!

Отказываться мне и в голову не пришло – тут сразу понятно, что не отстанет.

Я взял брошенный на соседний стул белый халат, назвал адрес центра повышения квалификации и уточнил:

– Нормально?

– Да, поехали!

Арам послал Жасмин воздушный поцелуй и поспешил на выход. Я ограничился сдержанным кивком и двинулся следом, а на улице едва удержался от того, чтобы озадаченно не поскрести затылок, ведь прикатил сюда джинн на мало-литражке, внешне напоминавшей внебрачное дитя горбатого «запорожца» и классического «жука».

Невзрачный, тесный, точно с немалым пробегом.

И сразу возник вопрос: это Арам такой умный, что приbedняется, не желая привлекать к своей персоне внимание отдела по борьбе с нетрудовыми доходами, или же он просто пускает пыль в глаза, а сам хоть и способен достать импортные шмотки и носит золотые побрякушки, но далеко не так преуспевает, как это старается показать?

– Внутри просторней, чем кажется снаружи! – с намёком на обиду заявил превратно истолковавший мою заминку джинн, и я счёл, что скорее уж истине соответствует второй вариант.

Это следовало иметь в виду, пусть даже я и не собирал-

ся принимать никаких предложений Арама вне зависимости от красноречия джинна и собственной потребности в денежных средствах. А что подвезти меня тот вызвался вовсе не просто так, сомневаться не приходилось.

Внутри автомобильчик и впрямь оказался чуть просторней, чем того можно было ожидать, но никакой роли в моём случае это не сыграло: едва уместился на переднем пассажирском сиденье.

– Ну и здоров же ты, Гудвин! – рассмеялся джинн.

– Не без этого, – признал я.

– Спортом занимаешься?

– Ага. Гребу.

– Гребёшь? – озадачился Арам. – А я почему-то думал, ты борец.

– Борьба и бокс – это для души, а не ради высоких спортивных достижений, – усмехнулся я и отметил, как заметно расслабился после этих слов мой напрягшийся было собеседник.

Неужто в бомбардиры вербовать станет? Нет, это не для меня.

– И сколько в скорой платят, если не секрет? – ожидаемо спросил джинн. – Ты ведь в скорой?

– Мало платят, – решил я для начала уйти от прямого ответа.

– Мало у всех разное! – хохотнул Арам и утопил педаль газа, заставляя зарывавший и затрясшийся автомобильчик

ускориться и обогнать троллейбус.

Я усмехнулся и сказал:

– Восемьдесят рэ оклад.

– Да уж и вправду не разгуляешься! Подрабатываешь, по-ди?

– Приходится.

– А ещё подработка интересует?

Я покачал головой.

– У меня уже две, больше не вывезу.

Вроде бы выразился яснее некуда, но джинн и не подумал отстать.

– Да ты и будешь занят всего-то три вечера в неделю с восьми до двенадцати!

– У меня через день смена в восемь только заканчивается.

И весь месяц курсы с девяти до десяти.

Арам кивнул и, удерживая руль одной рукой, достал пачку явно импортных сигарет. Протянул её мне, а после отказа закурил сам.

– Что до восьми – это не проблема. Просто станешь подходить попозже. А вот курсы – это да. Надолго они у тебя?

– До конца месяца.

– Хах! – пыхнул дымом Арам. – Тут осталось-то! Вот скажи, неужто три пятёрки в неделю за непыльную работёнку тебе лишними будут?

Я усмехнулся.

– Так за непыльную обычно шиш с маслом, а не пятёрка

за вечер!

Джинн выкрутил руль, перестраиваясь в другой ряд, обозвал козлом водителя помешавшего ему грузовика и лишь после этого сказал:

– Мы дискотеки в ДК проводим, у нас спокойно обычно, но не помешает кто-то твоей комплекции за порядком приглядывать.

Тут уж я рассмеялся.

– Не, пьяных за дверь выкидывать – это не по мне.

– А что так?

– Выкинуть – не проблема, но они ж друзей соберут и на улице встретят.

– Вот поэтому и не надо силу применять! – заявил Арам. – Поговорить, призвать к порядку, в самом крайнем случае – вывести воздухом подышать. У нас публика приличная собирается. Танцевать приходят, а не драться – понимаешь, да? И район спокойный: орков почти нет, и гномов не так много, а людям одного твоего вида хватит, чтобы образумиться!

«Складно лепит», – подумал я, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что пьяному море по колено, а каждый второй уверен, что чем больше шкаф, тем громче он падает. И сам такой был, чего уж греха таить. Бывало и ронял шкафов, не без этого.

Ля! Да ко мне все местные любители помахать кулаками в очередь выстраиваться начнут!

Но сказал я о другом:

– Не! Дружинники, менты, общественники! Заметут, начальству напишут. А я на лимите. Не надо мне такого.

– Да что ты такое говоришь?! – возмутился Арам. – Мы от райисполкома работаем, у нас официально всё! Тебя вахтёром на полставки устроим, если хочешь!

– Что – даже алкоголем из-под прилавка не приторговываете?

– Говорю же, к нам орки почти не заглядывают, а ради двух-трёх забулдыг неприятности с законом поиметь – да какой в этом смысл?!

Я пожал плечами, насколько это получилось в тесноте салона.

– Ну хорошо если так. Но работа шибко нервная. Мальчики ж перед девочками хорохорятся, а тут – я! Громоотвод, ля.

– Пятёрки мало? – по-своему расценил мои слова джинн. – Так это на первое время, а дальше смотря как себя покажешь! Может, ты нам вообще не подойдёшь! Давай так: загляни как-нибудь вечерком и сам всё увидишь. До конца месяца будет время всё хорошо обдумать.

– А чего вообще вышибала понадобился?

Арам в ответ на неудобный вопрос скривился, но всё же отмалчиваться не стал:

– Да случаются время от времени инциденты. А менты о каждом выезде в райисполком сообщают – попадёт какому

бюрократу шлея под хвост и прикроют лавочку. Опять же – наряд пока приедет, все десять раз разбежаться успевают, а мне за ложные вызовы отдуваться приходится. Надоело!

– Хорошо, – пообещал я с тяжёлым вздохом. – Загляну на огонёк, как время будет. Пятницу, субботу, воскресенье работаете, правильно понимаю?

– Так, – подтвердил джинн, а когда мы уже остановились перед центром повышения квалификации, продиктовал телефонный номер и сказал: – Звякни в кафетерий, предупреди Жанну или Жасмин, как соберёшься. ДК лёгкой промышленности на Яблочной тебе нужен.

– Найду, – сказал я и не без труда выбрался из тесного салона, гадая такой Арам продуманный, что решил держать связь через подружек, или просто у него нет домашнего телефона.

Остановился на втором варианте, а в записную книжку помимо номера кафетерия внёс ещё и регистрационный знак, цвет и марку автомобиля. Лишним не будет.

До начала занятий оставалась куча времени, и в иной ситуации я непременно бы отправился сбрасывать пар, избивая боксёрский мешок, но идти в зал в медицинской униформе не хотелось, пришлось подниматься в библиотеку. Так и проторчал там за шахматным учебником до девяти, и пусть мозги работали как надо, умственный труд успокоения отнюдь не принёс. На занятие я явился всё столь же заведённым и

нервным.

А там – любопытные взгляды и шепотки, шепотки, шепотки. По аудитории всюду гуляли слухи о сегодняшнем ЧП, преподавателю даже пришлось призвать слушателей к порядку, постучав ложечкой по горлышку стеклянного графина.

– Разрешите! – поднял я руку, а после встал и во всеуслышание заявил: – Наша машина попала в аварию, у шофёра сломаны рёбра, у врача сотрясение мозга, мы с фельдшером не пострадали. Всё остальное – досужие слухи. И бредни. Вот!

– В аварию они попали, ля! – фыркнул какой-то усатый коротышка. – Да упырь там трёх человек насмерть положил!

– Двух! Третьего этот бугай голыми руками порвал!

– Да не так всё было! Орк под яростью всех изувечил, а упырь просто добил, чтоб не мучились!

– Эй, Гудвин! А чего тебя в дурку на карантин не закрыли?

– Того и не закрыли, что не убивал никого! – огрызнулся я. – И вообще: идите вы все лесом со своими вопросами! Не помню ничего!

– Снова не помнишь? Тебя в бригаду брать опасно!

В общем, первая половина занятия прошла весело, а потом нас погнали в спортзал сдавать зачёт Роману, но тот, вопреки моим опасениям, не просто не стал цепляться, а ещё и отпустил со словами:

– На практические занятия ко мне можешь не приходиться. Я тебе их уже зачёл.

– Чего это? – удивился я.

– Того! – отмахнулся тёмный эльф. – В дружине горздрава появишься, а то у них там недобор. Звонили уже.

– Завтра, – пообещал я и отправился восвояси.

Точнее – потопал на квартиру к Эле. Шагал по тёмным улочкам и ждал, что прицепятся хулиганы, но как назло: тишина и спокойствие. В окно не полез, внаглую прошёл через ещё не запертую на ночь входную дверь.

Эля встретила в домашнем халате. При виде меня она округлила глаза.

– Тебя отпустили?!

– А почему меня должны были задержать? – вроде как тоже удивился я, притворив за собой дверь.

– Но ты же... Ты же двух человек убил!

– Брехня!

Разувшись, я оценивающе посмотрел на медсестру. Та ответила ничуть не менее пристальным взглядом, а после только и успела ойкнуть, прежде чем совсем не сильный, просто неожиданный толчок завалил её на кровать. Я без промедления устроился сверху и задрал халат, после чего попытался сбросить напряжение наиболее приятным и доступным в сложившихся обстоятельствах образом, но нервную систему скрутило узлом, и сеанс лечебной физкультуры затянулся до такой степени, что когда всё же отвалился в сторону, Эля да-

же не попыталась подняться и лишь сдавленно просипела:
– Ну ты и зверюга!

И вроде бы только-только расслабился, а тут из-за столь откровенно прозвучавшего в голосе сожительницы одобрения напрягся пуще прежнего. Как бы мне её так в самые кратчайшие сроки не раскочегарить!

Нет, Эля – дама приятная во всех отношениях и отнюдь не дурнушка, но я-то вроде как человек! По крайней мере – человеком себя так до сих пор и полагаю. Не успел толком в зелёную шкуру вжиться. Да делать этого и не собираюсь. А тут такое... Точнее – такая.

О-хо-хо...

Два

Проснулся на рассвете вроде бы отдохнувшим и полным сил, но отнюдь не в самом добром расположении духа. Будто уже одно только само по себе сокрытие информации о смерти Михалыча каким-то образом поставило меня в уязвимое положение, словно оказался из-за этого на крючке у конторы, и ничего не закончилось, а все неприятности ещё впереди.

Захотелось избавиться от нервного напряжения способом, наиболее быстрым и приятным из всех доступных мне сейчас, но совладал с инстинктивным позывом и Элю будить не стал. Вместо этого тихонько-тихонько поднялся с раскладушки, собрал в охапку одежду, прихватил спортивную сумку и прокрался в ванную комнату. Прикрыв за собой дверь, размялся, избавляясь от скованности после сна на неудобном и не слишком-то подходящем по размеру ложе, затем наскоро почистил зубы, оделся и покинул комнату через окно, так её хозяйку и не потревожив. Но зато потревожил кое-кого другого.

– И долго через окно к Эльке шастать собираешься? – с грозным видом потребовала объяснений пожилая орчиха с метлой. При этом орудие своего труда тётка в синем ситцевом халате и тапочках на босу ногу держала таким образом, чтобы в случае неправильного ответа иметь возмож-

ность незамедлительно им меня приложить.

Впрочем – нет. Об орудии труда речи определённо не шло. И я характерного шорканья не слышал, и орчиха, несмотря на мощное телосложение, на дворничиху нисколько не походила.

Угодил в засаду, ля! Это ж комендант!

– А нельзя? – осторожно уточнил я в надежде решить вопрос миром, ибо переселяться обратно в общежитие у меня не было ровным счётом никакого желания и отчасти даже возможности, а снимать где-то угол было и неудобно, и накладно.

Комендант вроде как задумалась.

– Нет, что у Эльки постоянный хахаль завёлся – это даже хорошо. Хоть женатики на эту фифу белобрысую заглядываться перестанут. Но режим нарушать не дам! После двадцати двух ноль-ноль никаких посторонних в комнатах! Под угрозой выселения!

Я скрестил на груди руки и покачал головой.

– Не пойдёт. Мне без жилплощади Эля, скажем так, в плане долгосрочных отношений не шибко интересна.

Тётка отставила метлу к стене и предложила простейшее на её взгляд решение проблемы:

– Расписывайтесь, и заселишься на законных основаниях.

– А это уже ей не интересно. Я ж лимита.

– Тогда страдай!

– Ля! – протянул я. – Давай уже сразу к делу перейдём! Я

тут вообще сбоку припёка, если кому мозги канифолить, так это Эльке. А раз мы общаемся с глазу на глаз, а не в присутствии участкового, значит, есть ещё какие-то варианты, так?

Комендант подбоченилась.

– Умный, да? – хмыкнула она, но кота за хвост тянуть не стала и заявила: – Дворник нам нужен. А что сама тебя встретила, так надо ещё разобраться, подходишь или нет!

– Кто, если не я? – хмыкнул я. Нельзя сказать, будто мне захотелось взвалить на себя ещё одну подработку, но это предложение было точно не из тех, от которых имелась возможность отказаться. – Какой фронт работ, что с деньгами и со служебным жильём?

Тётка обвела рукой двор.

– Фронт работ для лба вроде тебя смешной. Тут и пенсионер в два счёта управится, просто на двадцать пять рублей в месяц никто не соглашается, а кому служебное жильё нужно, тоже мимо проходят. Нет его у нас.

Я поморщился. И денег кот наплакал, и морока какая-никакая добавится.

– Дворницкая же должна быть? – уточнил я на всякий случай.

– Дворницкая есть, как не быть, – подтвердила комендант. – Идём покажу!

Немного времени в запасе у меня ещё оставалось, так что проследовал за тёткой в дом, а там по короткой лестнице мы спустились к небольшой полуподвальной комнатушке-пена-

лу, сплошь заваленной инвентарём и всяческим хламом.

Чуть меньше двух метров в ширину, метра три с половиной в длину. А и нормально!

Оглядевшись, я решил, что если разгрести всё барахло, то на освободившееся место точно получится поставить раскладушку, и предложил:

– Ну так и пропишите меня здесь.

– Так тут жить невозможно!

– Так я тут жить и не буду.

– Нужна прописка, к Эле оформляйся!

Я покачал головой.

– Жениться на ней не собираюсь, а прописка нужна, чтобы на законных основаниях в общежитии ночевать. Нужен дворник – я согласен. Но с пропиской. А нет – Эль на свете много. Если хорошо поискать, то и с отдельной квартирой найти получится.

– Вот ты жук! – то ли возмутилась, то ли восхитилась комендант. – Ладно, договорюсь с паспортным столом. Но тогда выйдешь уже завтра!

– С первого октября выйду, – сказал я. – У меня как раз одна подработка закончится...

Но не тут-то было.

– Завтра! – отрезала тётка. – А то знаю я вас, кобелей! Месяц поматросишь девчонку и другую найдёшь, с отдельной квартирой! Либо вечером оформляться приходи, либо после десяти выметайся!

Я досадливо поморщился, но всё же кивнул.

– Приду оформляться. Вечером!

И поспешил в молочный магазин. Пришёл только за пару минут до первой машины, и выглянувшая на задворки заведующая глянула зло, но ничего говорить не стала. И даже две обычных пачки творога помимо рубля выделила, но как-то сразу не осталось сомнений, что доверия я не оправдал, и в самом ближайшем будущем мне подыщут замену. А не получится – обратно прежнего алкаша возьмут. Попала шлея под хвост, ага.

Вроде бы – наплевать, проживу и без этой подработки, но мне ещё ж кому-то талоны на мясо сдавать!

С Тони насчёт этого потолковать?

Пока переодевался в подсобке, меня старые спортивные штаны и майку на больничную униформу, обдумал эту мысль и счёл её вполне достойной внимания. Ну а не поможет стилига – тоже не беда. Во-первых, меня отсюда ещё не турнули, а во-вторых, только десятое число на календаре, талоны на октябрь самое раннее через две недели выдадут.

С рублём в кармане и двумя пачками творога я отправился в больницу, намереваясь переодеться, заодно и навестить своих приболевших коллег. Охранники на служебной проходной меня разве что заинтересованными взглядами смерили, а вот попасть в терапевтическое отделение оказалось не так-то и просто. Нет – проскользнул бы туда в своей больничной униформе без особого труда, но не имел ни малей-

шего представления о том, где искать Дарью, Жору и дядю Вову, поэтому оказался вынужден обратиться за помощью к медсёстрам. Ну а те воспользовались случаем и всю душу из меня вынули, горя желанием вызнать подробности вчерашнего происшествия. Насилу их любопытство удовлетворил. И уверен, проходи этот разговор с глазу на глаз, то кое-кто из собеседниц предоставил бы мне возможность удовлетворить не только его.

«Что-то ты становишься шибко популярным, – подумал, шагая через вестибюль. – До добра это не доведёт...»

Ну а как иначе? Тот, кто этих зеленокожих девчонок удовлетворяет, появлению конкурента в моём лице определённо не обрадуется. Доказывай потом, что ты из тех, кто великую эльфийскую культуру уважает.

Погрузившись в раздумья, я заметил вынырнувшего невесть откуда Льва, лишь когда тот меня окликнул:

– Гудвин!

Я остановился и обернулся, протянул лейтенанту руку.

– С Дарьей повидаться пришёл?

– Ага, – подтвердил эльф. – Только ни в какую не пускают.

Передашь?

Он протянул мне цветастый полиэтиленовый пакет с апельсинами, плиткой шоколада и парой бутылок минералки, я машинально принял гостинцы, но сразу опомнился и предложил:

– Так давай провожу!

– А сможешь? – удивился Лев.

Я вернул пакет, а следом вручил и свой белый халат.

– На плечи накинь!

И пусть сам остался лишь в синих штанах и рубахе, для осуществления задуманного должно было хватить и этого. А вот Лев засомневался.

– Не погонят меня?

– Ой, да козырнёшь корочками! Первый раз, что ли?

– Использование служебного положения в личных целях...

– Ля-ля-ля! – отмахнулся я, даже слушать ничего не стал. – Идём! – А когда проскользнули на лестницу мимо разговорившейся с подружкой дежурной медсестры, спросил: – По Жоржу ничего нового не появилось?

– Работаем, – уклонился лейтенант от прямого ответа и в свою очередь полюбопытствовал: – Слышал, ты снова отличился? Если не секрет, как получилось, что тебя после двойного убийства на обычное для орков обследование не направили?

Вопрос мог оказаться с подвохом, но я спокойно пожал плечами.

– Меня и отправили.

– Да ну? – поразился лейтенант. – Слышал там всех без разбора на принудительное лечение оставляют. Одних только наблюдают, другим гипно-коррекцию проводят.

– Это злых отправляют, а я добрый. Я ж никого убивать

не хотел, просто так получилось.

– Хотел – не хотел, значения не имеет, – упёрся лейтенант.

– Мозгоправам видней, – возразил я и достал из кармана заключение комиссии. – На, ознакомься, если интересно.

Лев вновь вручил мне пакет, развернул листок и прямо на ходу углубился в чтение.

– Не отставай! – потребовал я, вывернув с лестничной клетки в коридор, где находиться нам совершенно точно не полагалось.

Поместили Дарью, как мне удалось выяснить, в палату на одно койко-место, так что я без стука распахнул дверь и уверенно шагнул через порог.

– Я пришёл к тебе с...

Тёмная эльфийка взвизгнула и запустила в меня надкушенным яблоком. Я лишь в самый последний миг изловчился наклонить голову, и метательный снаряд калибра антоновки унёсся в коридор.

– Сдурела? – охнул я.

– Стучаться надо! – взвизгнула Дарья, подтягивая к шее больничное одеяло.

Я решил было, что застал эльфийку за сменой нижнего белья или ещё какими женскими процедурами, только ничего подобного. Когда при виде Льва она откинула одеяло в сторону, то оказалась облачена в длинную больничную сорочку.

– Тебе б валерьянки накапать, – буркнул я.

– Дроу на фоне сотрясения мозга становятся импульсив-

ными и непредсказуемо агрессивными, – пояснил лейтенант, протягивая перехваченное яблоко. – Держи!

– Так ты специально меня первым запустил! – возмутился я.

– Ничего подобного! – пошёл Лев в отказ. – Я просто зачитался!

– Зачитался он! – Я положил яблоко на тумбочку, устроил рядом с ней пакет с гостинцами и забрал у эльфа медицинское заключение и белый халат. – Смотрю, Дарья, ты в порядке. Пойду лучше Жору проведу.

Думал, эльфийка пристанет с расспросами, но вместо этого она обвила руками подступившего к ней лейтенанта.

– Иди-иди! – отпустил меня тот. – А то у дроу на фоне сотрясения мозга ещё и либидо повышается!

– Значит, хорошо, что я тебя встретил, – фыркнул я и достал из пакета бутылку минералки. – Жоре гостинец от вас передам.

Меня не услышали. Под звуки страстных поцелуев я покинул палату и посоветовал:

– Дверь стулом подоприте, а лучше табличку повесьте: «Внутри злая эльфийка!»

Воспользовалась эта парочка моим советом касательно стула или положились на волю случая, я проверять не стал и отправился на поиски нашего шофёра, но лишь впустую сходил до его палаты. Как оказалось, Жора ночевать в больнице не пожелал и по знакомству договорился о переводе в

дневной стационар. Сегодня он тут ещё не объявлялся, и я заподозрил, что не объявится вовсе, а ходить станет только на те осмотры, без которых не закрыть больничный лист, поэтому пошёл проверить упыря.

Дядю Вову из реанимации перевели в отдельную палату, и находилась та в блоке, где на входе вместо обычной медсестры дежурил интерн-эльф. Я сразу сообразил, что тут мне ничего не светит, но каким-то образом оказался в списке посетителей – всего-то и пришлось, что предъявить служебное удостоверение да продемонстрировать содержимое спортивной сумки.

– С продуктами нельзя! – заявил интерн. – И минералку тоже оставляй.

Я в итоге отдал ему всё и попросил:

– Задвинь под стол пока.

Палата у дяди Вовы размерами не превосходила Дашкину, но помимо радиоприёмника в ней обнаружили ещё и холодильник с телевизором. Первый, судя по приоткрытой дверце, не работал, а второй оказался небольшим и чёрно-белым, но у эльфийки не было и такого.

– Наше вам! – поздоровался я от порога. – Как живёте-можете?

Фельдшер оторвал взгляд от телевизора и признал:

– Смешно.

– В том-то весь смысл! – оскалился я. – Узнал тут, что от сотрясения мозга тёмные эльфы агрессивными становятся, а

упыри как? На людей не кидаются, часом?

– Кидаются, – подтвердил дядя Вова. – Прямо в момент сотрясения и кидаются или сразу после оногo. А вот с пищевым отравлением мы пластом лежим. – Он указал на телевизор. – Выключи.

Выглядел фельдшер и впрямь далеко не лучшим образом. Пусть особо бледней его физиономия и не сделалась, зато осунулась и похудела даже больше обычного, а ещё как-то непривычно чётко стала выделяться короткая щетина на голове. Но при этом в немощность фельдшера почему-то тоже нисколько не верилось. Вот ни на грош.

Я подошёл к телевизору и щёлкнул кнопкой. Чуть рябивший помехами экран мигнул и погас.

– Не заперли в дурку, значит? – усмехнулся упырь. – Везучий.

– Добрый! Пацифист практически, ля! – поправил я собеседника и сказал: – Жора домой свинтил, Дашку лейтенант пришёл проведать – тоже поговорить не вышло.

– На работу выходишь завтра? – уточнил дядя Вова.

– А куда деваться? Выхожу.

Упырь вздохнул.

– И как ты объяснишь, что после двойного убийства тебя под наблюдение не определили?

– Так я не убивал никого! – развёл я руками. – Какое ещё наблюдение?

– Так! – заинтересовался дядя Вова. – Излагай свою вер-

сию.

– В протоколе враньё сплошное, меня крайним назначили. С орками завсегда так. Мы ж по жизни ни в чём не виноватые!

– Допустим, – кивнул фельдшер. – А кто их тогда всех убил?

Я кинул взгляд в сторону входной двери, после оценил разделявшее меня с кроватью фельдшера расстояние и отступил на шаг назад.

– Так ты и убил, больше некому.

Осунувшаяся физиономия упыря приобрела на редкость озадаченное выражение.

– Всех троих? – уточнил он, словно не мог поверить собственным ушам.

– Ага! – кивнул я. – Ты как первого куснул, так и слетел с катушек. А поймал две пули и вовсе озверел. Я тебя от последнего оттащить пытался, но не сумел. Такие дела.

Дядя Вова забухал, но тут же совладал с приступом кашля и уточнил:

– А с протоколом что не так?

– Это легко! Одного покойника в такой ситуации любому упырю спустят, а три разом – это уже откровенно асоциальное поведение. За такое и сесть можно. Вот твои кореша из конторы и повесили на меня двух мертвецов.

– Бред же!

– Одному в место укуса гарпун воткнули. Второго топо-

ром искромсали так, что никакое вскрытие ничего не покажет. А меня обещали за сто первый километр выслать, если в отказ пойду. Но я-то не промах, отвертелся от дурки. Ибо нефиг!

– Клоун, ля! – выдал дядя Вова. – Тебя ж в цирк переведут!

– Не знаю, не знаю, – покачал я головой. – Медсестрички поверили, что ты сюда с похмельем загремел.

Фельдшер сел на кровати столь резко, что я невольно сделал ещё один шажочек по направлению к двери.

– Так ты это серьёзно?

– Предельно, – подтвердил я.

Дядя Вова хватанул себя ладонью по лицу и повалился обратно на подушку. После тяжело вздохнул и сказал:

– Про контору Жора сказал?

Я шофёра выгораживать не стал и подтвердил:

– Он. Мол, попёрли тебя оттуда после того, как пищевод кровью экстрасенса сжёг.

Упырь закатил глаза.

– Во-первых, не из конторы, а из пси-контроля. Во-вторых, не попёрли, а сам ушёл, когда оперчасть расформировали и только надзорные функции оставили.

Акцентировать внимание на том, что прозвучавшее заявление отнюдь не опровергало работы в органах госбезопасности, я не стал и усмехнулся.

– Я тебе, конечно, верю, но если с пищеводом порядок, то

чего ж тебя так скрутило вчера?

– Говорю же: пищевое отравление у меня, сопряжённое с острой аллергической реакцией! Я ж сортовую кровь от доноров получаю, а тут уголовник, который неведь что пил и курил. И хорошо, если ещё не колол!

– Н-да... – протянул я. – Непросто вам...

– Иди ты! – ругнулся упырь и закрыл глаза. – Утомил.

– Выздоровливай! – сказал я, но только взялся за дверную ручку, как дядя Вова приподнялся на локте.

– Заглядывай! – попросил он и ухмыльнулся. – Дюже интересно, куда тебя теперь законопатят!

Оскал у него вышел без малого кровожадным, в прошлой жизни у меня непременно бы втянулась мошонка, ну а орки мало того, что отличаются повышенной толстокожестью, так ещё и мошонка большую часть бодрствования в сжатом состоянии пребывает. Постоянно начеку, ага.

– Загляну ещё, – пообещал я и ушёл.

Забрал сумку у интерна, наведалься в раздевалку, где сдал дежурной халат и оставил в шкафчике больничную униформу, а сам уже в спортивных штанах и олимпийке поспешил в пси-блок на ежедневную капельницу.

Максим Игоревич при моём появлении даже очки на лоб приподнял.

– Ты! – поразился он.

– Я!

– На капельницу?

– Так точно! – подтвердил я, а когда эльф замаялся, развёл руками. – Ну а что? Мне строго-настрого запретили капельницы пропускать. Грозилась заведующему пожаловаться!

– И в самом деле... – озадаченно протянул Максим Игоревич. – А я думал, после вчерашнего долго тебя теперь не увижу.

– Ну а я, вот, припёрся.

Переводить на меня дефицитный препарат эльфу определённо не хотелось, но деваться было некуда – полез отпирать сейф. Всё прошло как обычно, и уже четверть часа спустя я рванул к центральной проходной, дабы погрузиться в трамвай и покатить в динамовский спорткомплекс, но пихаться локтями в общественном транспорте не возникло нужды: у главного корпуса повстречался Лев.

Лейтенант пытался расчёской привести в порядок растрепавшиеся чёрные волосы, а те никак не желали укладываться, словно были наэлектризованы.

«Нормально они там с Дашкой друг о друга потёрлись», – мысленно отметил я, а на предложение поморского эльфа подвезти сказал:

– Мне в «Динамо».

Тот округлил глаза.

– На кой?

– Ты к нам, я к вам.

– Спортом заняться решил?

– Подработку нашёл.

Мы дошли до зелёного «меркурия», и хоть салон того был несколько просторней малолитражки Арама, я забираться на переднее пассажирское сиденье не стал и устроился на заднем диванчике.

– Что за подработка? – полюбопытствовал Лев, поворачивая в замке зажигания ключ.

– Спасателем взяли.

– Даже так? – удивился эльф, но больше ни о чём расспрашивать не стал и включил радио.

Передавали прогноз погоды, погоды ожидались прекрасные.

Скучать на пляже точно не придётся.

Домчал Лев меня на место буквально за десять минут, и я воспользовался выгаданным временем, дабы расположиться в тренерской и сожрать обе пачки творога, в кои-то веки запив его не водой из-под крана, а минералкой.

Но проку с такого завтрака! В желудке перестало сосать, и только.

Есть в последнее время я хотел постоянно, ведь мало того, что сгонял сальце с боков на гребном тренажёре, так ещё и дополнительно развивал мускулатуру. Вот и худел, поскольку лишённому привычного мясного рациона организму отчаянно не хватало калорий, жиров и невесть чего ещё. Вроде бы и до того нормально было, но по мере избавления от лишнего веса жить становилось заметно легче.

Натянув шорты и нахлобучив на голову панаму, я прихватил с собой свисток и, покручивая его на шнурке, отправился отмечаться. Эд предупредил, что сегодня задержится и слово своё сдержал, но по утрам пляж обычно пустовал, так что я в обиде на напарника не был. Сплавал несколько раз до буйков и обратно, обсох и отправился на спортплощадку. Размялся и совершил несколько подходов к турнику и брусьям, перемежая их отжиманиями и качанием пресса, затем взялся постукивать висевший тут же боксёрский мешок. Сначала бил вдумчиво и не частил, стремясь акцентировать удар, затем начал наращивать темп, и точно бы набрал хорошую скорость, если б только не сдохла дыхалка.

– Неплохо-неплохо! – похвалил меня чёрно-зелёный громила, подошедший на площадку в компании лесостепного орка, телесной мощью ему особо не уступавшего. – Юрок, как он тебе?

– Удар надо ставить! – авторитетно объявил Юрок. – Бьёт, будто весу меньше центнера!

И орк легонько вроде бы ткнул кулачищем мешок, но показалось, будто его сейчас попросту сорвёт.

– Привет, Борис! – протянул я руку таёжному орку, в котором узнал тренера регбистов.

Мы обменялись рукопожатиями, и Борис спросил:

– Увлекаешься?

– Для общего развития.

– А то смотри, боксёрам и борцам отдельный корпус от-

дали. Мы там сейчас ремонт делаем – надумаешь, заходи.

– погоди! Ты ж регбист!

Борис хохотнул:

– Так тоже для общего развития! – Он огляделся и уточнил: – Эд не появлялся ещё?

– Эд ближе к обеду будет, но это между нами.

– Понял, – кивнул здоровяк и окликнул спутника: – Юрок, он позже сегодня появится, сам с ним поговорю. Пошли!

Юрок бросил избивать беззащитный мешок, и громилы утопали прочь. Я постоял-постоял и двинулся к вышке спасателей. Сел там под навесом и вздохнул, сообразив, что с собой нет не только шахматного учебника, но и завалящей газеты.

Ну вот что стоило купить, а?

Но тут стало не до чтения: снова как по расписанию на пляж заявила Ирена. Девчонка во всё том же чёрном спортивном купальнике подбежала, упёрлась ладонями в колени, шумно выдохнула и потребовала:

– Пошли купаться!

– Иди, – кивнул я на озеро. – Я уже.

– Не будь букой! – возмутилась Ирена. – Ты должен научить меня плавать!

– Прямо должен? С чего бы это?

Девчонка запустила пальцы в короткие белые волосы и ещё больше встопорщила их, после чего объявила:

– Мы в ответе за того, кого приручили! Вот!

На меня этот аргумент и в прошлой жизни лишь из уст одного-единственного человека мог впечатление произвести, да и то много-много лет назад, ну а тут я и вовсе плечами пожал.

– Никого я не приручал. Всего лишь утонуть не дал.

– Вот! Проявил заботу, теперь расхлёбывай!

– Не-не-не! – покачал я указательным пальцем. – Никакой заботы! Как говорится, ничего личного, просто надлежащее исполнение должностных обязанностей!

Ирена прищурилась.

– Вот сейчас пойду и утону! Не назло тебе утоплюсь, а из-за того, что плавать не умею!

– Так не ходи!

– А я хочу!

– А я нет.

– А время сколько? Десять часов есть? Есть! пляж открыт? Открыт! Вот и выполняй свои должностные обязанности!

Девчонка развернулась и решительно зашагала к воде. Я посмотрел ей вслед, оценил длину стройных ног и намёк на округлость обтянутого купальником зада, вздохнул и решил, что с точки зрения развития самоконтроля пустой тратой времени возня с Иреной всё же не будет. Под воздействием очередной дозы пси-концентрата в подсознании заворочалась орочья натура, инстинкты потребовали схватить эль-

фийку в охапку и утащить в укромный уголок, в таком состоянии даже всего-то не шлёпнуть её пониже спины будет столь же непростым испытанием, как и час на гребном тренажёре.

Мысленно плюнул, потопал следом.

Нагнал Ирену, когда та зашла в озеро по пояс. Девчонка обернулась и уже открыла рот, намереваясь отпустить в мой адрес очередную колкость, но я ударом ладони по воде окатил её тучей брызг. Эльфийка взвизгнула и попыталась ответить тем же, тогда я нырнул.

Когда всплыл на поверхность, то обнаружил, что Ирена не от большого ума последовала за мной на глубину, чего ей, конечно же, делать не следовало. Пришлось поддерживать дурынду, дабы та в очередной раз не ушла на дно.

– Разве это не забота? – рассмеялась она.

– Нет! – буркнул я. – И вообще тебе уже самой давно пора приручить какого-нибудь эльфийского мальчика из хорошей семьи!

– Мама говорит, сначала образование получить нужно.

– А орку, значит, отсутствие законченного высшего образования мозг выносить тебе не мешает?

– Сердцу не прикажешь! Ну а что? Может, я тебя приручить хочу? Может, я специально на глубину в тот раз зашла, чтобы такой большой и сильный орк меня спас? Вот и думай теперь!

Я надавил на макушку, заставив надоеду с головой уйти

под воду, а когда она откашлялась, злорадно улыбнулся:

– А стану-ка я на тебе спасение утопающих тогда отрабатывать!

Ирена тотчас вытянула руки.

– Так я согласная! Только, чур, с дыхания рот в рот начни.

Тут-то я и возблагодарил судьбу за то, что у меня есть Эля. Ну и назначившего курс пси-концентрата умника из горотдела тоже добрым словом вспомнил – всё ж проработал чуток нервную систему, начал куда лучше прежнего эмоции контролировать. В общем, спровадил как-то эльфийку с пляжа, повалился на деревянный лежак, перевёл дух. К тому времени, когда наплыв отдыхающих начался, уже окончательно в себя пришёл.

Вот же ерунда какая! Столько душевных сил на возню с Иреной потратил, словно не с молоденькой эльфийкой дело имел, а энергетического вампира собственной жизненной силой откармливал.

К слову, а такие тут имеются вообще? В конце концов, если есть пси-энергия, то наверняка есть и те, кому для извлечения её из живых существ не требуется ни жрать их живьём, ни сосать кровь. Подходят, разговоры разговаривают, подзаряжаются. В прошлой жизни я с такими встречался. Одного даже без осинового кола...

Хм... Не надо об этом. Я ж добрый и практически пацифист.

Не убивал никого, всё это враки!

Тут пришли волейболистки, и сразу стало как-то веселее. Тут уж не до самокопания: на подпрыгивающие в спортивных купальниках титьки посмотреть, за улетевшим в воду мячом сбегать, слишком назойливых залётных джигитов шугануть. Здорово же!

Ну а потом в полную силу начало припекать солнце, люди и нелюди полезли в прогревшуюся воду, и пришлось следить за пловцами. Кому хватало резкого свистка, кого урезонивал угрозой оторвать длинные уши, но пару раз приходилось стаскивать в воду лодку и грести к любителям заплывать за буйки. С одним таким поморским эльфом не подрался по возвращении на берег лишь из-за вмешательства его товарищей. С кулаками он на орка кидаться вздумал, дурачок...

Появление Эда обрадовало меня как ещё никогда прежде, я тотчас сунул ему снятый с шеи свисток и объявил:

– Я обедать!

В столовой оказалось душно и даже жарко, но торопиться я не стал и против обыкновения ел неспешно, размеренно пережёвывая каждый кусочек, чисто из принципа до предела оттягивая момент неизбежного возвращения на пляж. Устал.

– Смотрю, ты совсем не торопишься, – укорил меня Эд, когда я отыскал его у нашей наблюдательной вышки.

– Ты ж пообедал уже, – буркнул я в ответ, скользнул взглядом по торчавшим над водой головам отдыхающих, не заметил никакого беспорядка и сказал: – Тебя Боря искал.

– Чего хотел?

– Без понятия. Но с ним амбал какой-то из наших был. По ухваткам боксёр.

– А-а! – понимающе протянул островной орк. – Им старый корпус выделили, я обещал парней организовать и с ремонтом помочь. Ты как, кстати, по мешкам поколотить? И борцы тоже там теперь заниматься будут.

Я пожал плечами.

– Можно, наверное. Но не сегодня. Сегодня в горздрав ехать.

– Чего так? – удивился Эд.

– Меня туда в рабочую дружину определили.

– А! Это правильно. Большое дело. Чего ржёшь? Активистов у нас всегда вперёд всех по служебной лестнице двигают.

– Скажешь тоже: активист! Меня по разнарядке отправили.

– Так в личном деле про разнарядку писать не станут, а в характеристике активную жизненную позицию упомянут. Так?

Эд ткнул меня пальцем в бок, я подумал и кивнул.

– Так-то да.

Волейболистки вновь запулили мяч в озеро, но кто-то из пловцов тут же выбросил его обратно, вмешиваться не пришлось.

– Залётных тут шуганул, – сказал я напарнику. – Борода-

тые к девчонкам приставали.

– Рыжие?

– Они.

Эд недобро улыбнулся.

– Поговорю с нашими борцами, разберутся.

– К слову о борцах! – прищёлкнул я пальцами. – А как в этом плане «Динамо» вообще котируется?

– Хорошо котируется. Обычно первенство за нами остаётся. И сборную мы формируем.

– Да? – хмыкнул я. – А вот у медиков есть Роман Коростель. Слышал о таком?

Эд покачал головой.

– Не припоминаю.

– У него пятый пси-разряд.

– А, тёмный эльф! Да, есть такой. Но как борец он уже в тираж вышел, сейчас только тренирует. Берёт исключительно тех, у кого пси-способности есть. В этом – да. Говорят, один из лучших.

Я озадаченно хмыкнул и от дальнейших расспросов воздержался. Напарник подкинул пицци для размышлений, вот и задумался, обладает Лев экстрасенсорными способностями или для работников уголовного розыска было сделано исключение из правил. Оставался, конечно, вариант, что занятия у Романа, равно как и шуры-муры с Дарьей, всего лишь повод понаблюдать за мной, но всерьёз рассматривать такую возможность откровенно не хотелось.

Да и выглядела такая интрига слишком уж надуманной. Не того я полёта птица, чтобы ко мне столь изощённо оперативника подводить. Нет, так-то могли, вот только я ж изначально знал, что Лев из уголовки! Кто бы его с подозреваемым при таком раскладе сводить стал, а?

Задумался и обратил внимание на какую-то суету у кабинок для переодевания, лишь когда оттуда донеслись возмущённые девичьи крики. Но на помощь никто не звал, так что Эд кивнул в ту сторону.

– Разберись, – а сам уставился на озеро. – Я за пляжем присмотрю. Если что – зови.

– Ага, – пообещал я, нисколько не сомневаясь в том, что во вмешательстве напарника не возникнет нужды, поскольку переполох устроил эльфийский молодняк.

Именно переполох, а не драку. Темноволосые загорелые юнцы – то ли старшеклассники, то ли учащиеся профтехучилища оживлённо переговаривались и выжидающе смотрели на крайнюю кабинку, от которой и доносились крики. Стояли они на отшибе, и никто из отдыхающих поблизости не расположился, а случайные прохожие непонятную суету предпочитали игнорировать.

«Всё же школьники», – решил я, приблизившись. Ещё разглядел на песке сумки, покрывало и купальники, парням совершенно точно не принадлежавшие.

– Что за шум? – дружелюбно поинтересовался я, подходя чуть ли не вплотную.

Моё появление застало эльфов врасплох, и трое предпочли незамедлительно ретироваться, а ещё двое попятились, предоставив держать ответ своему товарищу.

– Тебе чё надо, зелёный? – развязно спросил мускулистый паренёк. – Тебя кто звал? Вали отсюда пока цел!

Я так удивился столь неадекватно задранной самооценке, что в первый миг из-за этого даже затрещину наглицу не отвесил. Потом уже только вспомнил, что я добрый, а бить детей неправильно, и рук распускать не стал, вместо этого улыбнулся.

– Ничего не попутал, малыш?

Как ни удивительно, моя улыбка никакого впечатления на задиру не произвела, он враз стиснул кулаки.

– Ты кого малышом назвал, урод зелёный?!

Нестерпимо захотелось вбить в поганца малость уважения, но у меня и без того проблем с законом хватало, да и кости молодого растущего организма отличаются излишней хрупкостью, так что покопался в памяти и ответил словесным уколом:

– Урода зелёного в зеркале увидишь, малыш.

Наверное, в этом мире заявление о схожести эльфа с орком считалось серьёзным оскорблением, поскольку парнишка мигом ринулся в драку.

– Да я тебе!

У него имелись все шансы зарядить мне в челюсть – по крайней мере, разница в росте не помешала бы до неё дотя-

нуться, – и я небрежным шлепком отвёл руку в сторону, после совсем уже было собрался несильно шмякнуть ладонью по щеке, но вовремя припомнил совет дяди Вовы и до физического насилия опускаться не стал, дал выход раздражению другим образом. Ну да – именно что выход раздражению я и дал, вытолкнув из себя только-только начавшую зарождаться в душе ярость. Приложило нематериальной оплеухой поганца не так уж и сильно, но юношеская припухлость лица моментально усугубилась лёгким отёком левой щеки.

– Остынь, малыш!

Юнец отшатнулся, глаза его сначала полезли на лоб от изумления, а после заблестели наворачнувшимися из-за бессильной злобы и отчаянной обиды слезами.

– Да ты... Да тебе конец, тварь! Папа тебя прикончит!

И он убежал, вроде бы даже расплакался от бессилия. Мне бы посмеяться, но перехватил взгляды попятившихся приятелей заводилы и счёл угрозу не такой уж пустяшной. Глядели те на меня именно что как на покойника.

Неужто перегнул палку? Что там за папа такой, интересно?

И тут из кабинки послышался девичий голос:

– А можно одежду вернуть?

– Пожа-а-алуйста! – жалостливо попросила другая девочка.

Я собрал оставшиеся на песке вещи и передал их жертвам жестокого розыгрыша, но уходить не стал, дождался появле-

ния из кабинки двух зеленокожих девиц. Ноги у них были длинными и столь же мускулистыми, сколь и стройными – коротенькие сарафанчики их особо не скрывали.

– Спасибо! – поблагодарила меня одна. – А то привезлись, дураки...

– Чего хотели?

– Чтоб за вещами вышли, – подсказала вторая. – А у нас одни плавки на двоих остались, остальное всё вытащили!

Она смущённо потупилась, и я предположил:

– Одноклассники?

– Даже не из нашей восьмилетки!

Я выразительно прочистил горло.

И это восьмиклассницы? Ну ничего себе акселерация!

– Так мы пойдём? – неуверенно спросила одна из девчонок.

– Пойдёте, но не так сразу, – сказал я и уточнил: – Я вам помог?

Школьницы испуганно переглянулись, и я дожидаться ответа не стал, развил мысль дальше:

– Помог! А остальные мимо проходили. И всё из-за пассивной гражданской позиции. Зло должно быть наказано, но если тот балбес нажалуется папеньке, то накажут меня. Справедливо это?

Девчонки слаженно помотали головами, и я ухватил их под руки, потянул к спорткомплексу.

– Давайте так: вы напишите, как всё было, а я вас с фут-

болистами познакомлю.

– С орками?

– С орками. У нас тут юношеская секция...

Ну и уболтал, конечно. Получил и заявления, и установочные данные, и перечень имён и кличек, коими называли друг друга малолетние хулиганы, вкуче с их словесными портретами. И как вишенка на торте – дата, подпись. Комар носа не подточит!

Ну а дабы совсем уж всё правильно сделать, я отправился на поиски свидетелей. Кто-то из очевидцев происшествия пошёл на сотрудничество по собственной инициативе, продавщица из пляжной палатки так и вовсе показания написала, а с кем-то пришлось быть несколько более... убедительным. Но орочья улыбка творила чудеса, вот и обзавёлся десятком фамилий и домашних адресов. Ещё и сам докладную на имя директора набросал, сдал в канцелярию.

Кучу времени на всё это потратил, но зато со всех сторон бумажками обложился. А что Эд надулся – так ничего страшного, я за него сегодня половину рабочего дня отдувался.

– Ну вот на кой тебе это сдалось? – тяжело вздохнул после моего возвращения на пляж островной орк. – Заняться больше нечем? Сплавай, вон, лучше эльфов обратно за буйки шугани!

Я покладисто кивнул и двинулся к лодке, погрёб на глубину. Призвав к порядку расшалившихся пловцов, попытал-

ся потягаться с байдарочниками, но почти сразу от них безнадёжно отстал и вернулся на берег. А там и рабочий день к концу подошёл.

– Может, к борцам? – предложил Эд. – А то там работы непечатый край. Со времён царя Гороха ремонта не было.

– Сегодня никак, – покачал я головой. – Говорю же: занят!

Напарник глянул мне за спину и кивнул.

– Похоже на то.

Я обернулся и обнаружил, что к спасательной вышке целеустремлённо топает усатый мужчина в форменных тёмно-серых брюках, синем кителе с погонами старшего лейтенанта и фуражке с кокардой.

– Всё! – вздохнул Эд. – Теперь по ментовкам затаскают, пока все кишки не вымотают.

– Это из-за щегла эльфийского? – догадался я.

– Ну из-за кого ещё?

Я не удержался от кривой ухмылки. Список «из-за кого» в моём случае был чрезвычайно обширен. Пусть тут Эд и угадал, но всё равно смешно.

Милиционер козырнул и представился:

– Участковый инспектор милиции старший лейтенант Давыдов.

Удержаться оказалось попросту невозможно, и я расплылся в широченной улыбке.

– Приятно познакомиться, товарищ старший лейтенант!

Но руку не протянул. Не понравился мне взгляд участко-

вого, и сам он не понравился ещё даже больше. Вроде мент и мент, а какая-то антипатия сразу прорезалась. Усы эти ещё...

Таракан, ля!

Впрочем, было бы странно, если б мне этот конкретный мент понравился. Крутить же пришёл!

Стоп! А почему именно крутить? И почему именно меня?

Может, ему о случае хулиганства сигнал поступил?

Почему в такой поворот не верится? Слишком хорошо жизнь знаю или экстрасенсорное чутьё вдруг прорезалось?

– Так понимаю, вы спасателями при спортобществе состоите? – уточнил милиционер. – Не видели сегодня ничего необычного?

Эд промолчал, а вот я заулыбался ещё шире:

– А-а! Так вы здесь из-за тех хулиганов, которые до школьниц домогались?

Участковый враз посуровел.

– Нет! – твёрдо проговорил он. – Здесь я из-за побоев, которые нанесли одному из отдыхающих!

Ну вот! Что и требовалось доказать.

Я озадаченно покачал головой.

– Не, ничего такого не видел. Но я на обед отлучался и вообще занят был. Эд, ты видел, чтобы кого-нибудь били?

– На нашем пляже? – недоверчиво уточнил островной орк. – В нашу смену? Первый раз слышу! Но я тоже не всё время на вышке был.

– Так, да? – прищурился старший лейтенант Давыдов. – А, между тем, потерпевший и свидетели утверждают, будто побои нанёс спасатель!

Я уставился на милиционера с издевательски-вежливым интересом, спросил:

– И какого именно спасателя пытаются оклеветать: зелёного или синего?

– Эй! – возмутился Эд. – Сам ты синий! Островные орки – цвета морской волны! В крайнем случае – бирюзовые!

– Чёрт с тобой, бирюзовый! – отмахнулся я и вновь повернулся к участковому: – Так какого?

– Побои нанёс лесостепной орк, – заявил старший лейтенант, на скулах которого заиграли желваки.

– Эд, ты оправдан! Топай, дальше я сам.

– Уверен? – засомневался мой напарник.

– Более чем! Всё, иди! Мы с глазу на глаз со старшим лейтенантом... – я едва было не сказал «перетрём», но вовремя опомнился и продолжил изображать из себя воспитанного орка, – переговорим.

– Да нет! – покачал головой Давыдов. – С глазу на глаз не получится! Пройдёмте!

– Это куда ещё? – поинтересовался я, впрочем, заранее зная ответ.

– В отделение!

– А зачем?

– Будем протокол по поводу административного правона-

рушения составлять и привлекать к ответственности по всей строгости закона!

– Планшет с собой, – ухмыльнулся я, – там точно и ручка, и бумага есть. Бери и составляй. А к ответственности вы в отделении никого привлечь не можете по причине отсутствия у милиции таковых полномочий.

– Пройдёмте! – повторил участковый куда строже прежнего.

У меня вырвался тяжкий вздох. А ещё накатило раздражение. И злился я даже не на этого приставучего мента, который просто делал свою работу, а на себя самого. Столько времени потратил на решение шахматных этюдов и при этом не удосужился ознакомиться с уголовно-процессуальным кодексом! Хуже не бывает, когда не знаешь своих прав и чужих обязанностей!

Но злости я не выказал и попытался прощупать собеседника с помощью логических построений:

– Протокол об административном происшествии составляется по месту инцидента...

И тут меня самым невежливым образом перебили.

– Последний раз по-хорошему предлагаю пройти в отделение! – процедил старший лейтенант.

– Я задержан? – спросил я и выставил перед собой открытую ладонь. – погоди, не отвечай. Сюрприз будет. Объясни лучше вот что: ты как себе в нашем случае по-плохому представляешь, а?

Улыбнулся я после шире некуда, и пусть участковый не побледнел и даже не отшатнулся, вопрос заставил его взглянуть на ситуацию под новым углом.

Пляж опустел, орк большой и злой, оружия при себе нет. Расклад откровенно не ахти.

– Неповиновение законным требованиям сотрудников...

Но теперь уже я его заткнул.

– Так то законным! Составляй протокол, выписывай повестку и разойдёмся как в море корабли!

Старший лейтенант ничего на это предложение не ответил и огляделся, я со вздохом предложил:

– Ну, хочешь – дружинников кликнем?

– Не усугубляй своего положения!..

– Ну-ка не выражайся! – рыкнул я и чуть качнулся вперёд, заставив милиционера всё же отступить на шаг назад, но тут же бросил валять дурака. – Ладно, старший лейтенант Давыдов, давай начистоту. Начнём с того, что никого я не бил! – Заявив это, я вытянул из кармана шорт прихваченную с собой записную книжку. – И вот тут у меня десять свидетелей, которые могут это подтвердить. Да я из пацифистов, у меня и справка есть!

– Разберёмся!

– Это ещё не всё! – вновь перебил я участкового. – Все эти заслуживающие доверия граждане сообщат, что явившиеся на пляж хулиганы вытащили из раздевалки одежду двух школьниц, после чего принуждали тех выйти в голом виде

наружу...

– И ты применил по отношению к хулиганам силу? – прищурился милиционер.

– Если ты о том, что я кого-то ударил, то ничего такого не было. Давай так: продавщица из пляжной палатки ещё точно выручку сдаёт, сейчас найдём её, и она всё подтвердит.

– Меня это не интересует! – прямо заявил старший лейтенант. – От мифических школьниц заявления не поступало, а вот отец избитого подростка требует принять меры!

– О как! – усмехнулся я. – Прямо требует?

– Он заявление написал! – отрезал Давыдов и тоже вздохнул. – Слушай, как тебя...

– Гудвин, – подсказал я. – У меня паспорт в раздевалке, ты из него все данные возьми да и составь протокольчик на месте...

– Слушай, Гудвин! – проникновенно заглянул мне в глаза старший лейтенант, для чего ему пришлось запрокинуть голову. – Не дури, а? В отделение я тебя так или иначе, но доставлю. Там всех дел на пять минут, если упрямитесь не станешь. Мы дольше тут с тобой препираемся! Пойдём! Ударил пацана – будь мужиком, признайся. Ничего такого тебе за это не будет, даже пятнадцати суток не дадут, если всё случилось, как ты говоришь. Сразу и свою версию изложишь...

Я не выдержал и заржал, а отсмеявшись, вытер выступившие на глазах слёзы и махнул рукой.

– Прости, лейтенант! Прости, прости! Не принимай на

свой счёт, просто это очень-очень смешно. – Я тряхнул головой и уточнил: – То есть грабёж и домогательство до несовершеннолетних тебе не интересны, хоть уже виновные известны?

– Старший лейтенант! – поправил меня участковый.

– Ну не капитан же!

– А о грабеже и домогательствах в отделении расскажешь!

Я кивнул.

– Похоже, придётся. Ладно, сейчас за вещами в раздевалку заскочу...

– Тут рукой подать. Быстрее так сходить будет.

– Босиком, ля?! – рыкнул я. – Ты нормальный вообще?

Скажи ещё: там всё выдадут!

– Продолжишь так себя вести, и выдадут! – добившись своего, Давыдов почувствовал себя несказанно уверенней. – Идём!

– Непременно выдадут, если я без паспорта приду. Законопатите же до выяснения личности, да? – нахмурился я. – Короче, я иду в раздевалку. Куда ты идёшь, меня не колышет. Попробуешь применить силу... – Мои губы растянута недобрая улыбка. – Ну можешь попытаться... Но жалобу прокурору я тогда на тебя точно накатаю. Усёк?

Дождаться ответа не стал, поскольку реакция мента не интересовала меня изначально. Развернулся и вразвалочку зашагал к спорткомплексу. Участковый, который уже точно сто раз пожалел, что не прихватил с собой на беседу с орком

наряд, поплёлся следом, но до раздевалки мы в итоге так и не добрались. Нет, не перехватили постовые – наткнулись у теннисного корта на кадровика и незнакомого мне мужчину в тёмном деловом костюме и в очках с роговой оправой, худощавого и уже поседевшего.

Именно он и начал разговор, расплывшись в широкой, но какой-то совсем уж неискренней улыбке.

– Василий Николаевич! – обратился он к участковому. – Ну как же так? наших сотрудников прямо на рабочем месте задерживаете! Нехорошо!

– Смена у вашего сотрудника уже закончилась, – сухо парировал старший лейтенант.

– Место от этого рабочим быть не перестало. Более того – у ряда профессий, к коим относится и рабочий пляжа, смена заканчивается лишь после устного отчёта сотрудника вышестоящему руководству. Более того – дорога домой после окончания смены...

– Хорошо-хорошо! – всплеснул руками потерявший терпение милиционер. – И что из этого следует?

– Из этого следует, что надо пройти в отдел кадров, дабы сотрудника вызвали туда с назначением замены, поскольку оный сотрудник обеспечивает безопасность отдыхающих на воде.

– Уж он обеспечил!

– Кроме того, поскольку якобы совершённый нашим работником проступок произошёл при исполнении служеб-

ных обязанностей, юридическая служба спортивного общества будет представлять его интересы.

– В этом нет никакой нужды! Ему ещё не предъявлено никаких обвинений!

– Тогда на каком основании происходит задержание?

– Я лишь пригласил его для прояснения всех обстоятельств дела!

– Для прояснения обстоятельств дела, составления протокола об административном правонарушении и получении развёрнутых объяснений пройдите в мой кабинет. Или прикажете мне всё бросить и посетить отделение?

Старший лейтенант Давыдов на миг задумался, затем кивнул.

– Хорошо!

Мне бы успокоиться, но вновь прорезалась интуиция. Ну или просто приметил, как скривился уголок рта участкового, которого прогнул, надо понимать, представитель юридической службы спорткомплекса.

Мы двинулись к основному корпусу, на подходе к нему я увидел Эда в компании Бориса Августовича и ещё нескольких орков – вперемешку лесостепных, островных и таёжных. Глядели те на Давыдова со столь откровенной неприязнью, что лично мне на его месте стало бы самое меньшее не по себе. И к слову, с неодобрением на сотрудника милиции смотрели отнюдь не только орки: как видно напарник успел повлиять на общественное мнение, осветив сегодняшнее про-

исшествие в выгодном для меня ключе.

– Переодеться бы, – заметил я, когда мы вошли в спорт-комплекс и направились к служебным помещениям.

– Не нужно! – отрезал старший лейтенант, не желая упустить меня из виду.

Кадровик с ним согласился, но совсем по иной причине.

– Пока ты, хоть и чисто формально, но всё же находишься при исполнении служебных обязанностей. Пусть лучше так дальше и остаётся.

Упрямыться я не стал, прошёл в кабинет руководителя юротдела босиком, в шортах и панаме. К слову, именно начальником юридической службы вступившийся за меня товарищ и оказался. Правда, судя по количеству столов в помещении, подчинённый был у него лишь один.

– Располагайтесь! – разрешил юрист и обратился к участковому: – Излагайте, Василий Николаевич!

Милиционер едва заметно поморщился, будто обращение старшего по возрасту к нему по имени-отчеству было не проявлением вежливости, а замаскированной издёвкой, но с ответом не промешкал и оттарабанил всё как по писанному. Дальше пришёл мой черёд давать пояснения, а когда рассказ подошёл к концу, занявший свободный стол кадровик заправил в печатную машинку чистый лист и стремительно заколотил всеми десятью пальцами по клавишам.

– Прочитай и подпиши, – вытянул он мои показания.

Я пробежался по тем взглядом, затем вчитался всерьёз,

сетуя на недостаточные когнитивные способности, после попросил ручку и поставил закорючку.

– Только тут шапка не заполнена.

– Сейчас принесут личное дело, паспортные данные отсюда возьмём, – сказал кадровик и покинул кабинет.

Начальник юротдела протянул руку, и я вручил ему листок.

– Чем-то подтвердить показания сможешь? – уточнил юрист. – Ты об очевидцах говорил. Лучше, если это не твой напарник будет.

– Есть очевидцы, – кивнул я и достал из кармана сложенный вчетверо листок в клетку, на котором описала случившееся продавщица палатки. – Вот для начала.

Юрист начал читать, а участковый сказал:

– С вашего позволения позвоню в отделение...

Он снял телефонную трубку и принялся крутить диск, а после того, как ему ответили, попросил с кем-то соединить, но связь оборвалась, и милиционеру пришлось набирать номер заново. Ну а только я начал прислушиваться к разговору, и вернулся кадровик.

– Кучно пошло! – с усмешкой произнёс он. – На тебя, Гудвин, жалобу написали!

Юрист оторвался от листка и уточнил:

– И чему же ты так радуешься, Игорь Иванович?

– А наш сотрудник первым успел докладную подать. Входящий номер у неё более ранний.

Начальник юротдела посмотрел на меня с интересом.

– В самом деле?

– Угу, – подтвердил я. – И экземпляр с отметкой о приёме себе оставил. Но он в раздевалке.

– Слышал, Василий Николаевич? – обратился тогда юрист к участковому. – Ознакомься!

Тот досадливо дёрнул щекой, уточнил:

– Всё, поступили документы, да? Хорошо, высылайте наряд. – А опустив трубку на рычажки, объявил: – Дополнительно к первоначальному заявлению в отделение поступило медицинское заключение о наличии у пострадавшего помимо ушиба мягких тканей лица ещё и закрытой черепно-мозговой травмы. Я его забираю!

Начальник юротдела передвинул листок и повторил:

– Ознакомься!

Старший лейтенант явно хотел отмахнуться, но всё же прочитал показания продавщицы, после чего пожал плечами.

– Это ничего не меняет! Она и не видела ничего толком, а факт побоев налицо.

– Что очень странно, – заметил я, – поскольку я никого сегодня и пальцем не тронул. Ну что ж...

Я выудил из кармана записную книжку и принялся листать её в поисках номера местного отделения ку-клукс-клана, но с этим определённым образом поторопился.

– А как же законность и справедливость, Василий Николаевич? – повысил голос начальник юротдела. – Молодые ло-

ботрясы пришли на пляж приставать к школьницам, а когда их призывали к порядку, возжелали расквитаться, превратив народную милицию в репрессивный аппарат!

– Призывать к порядку – можно. Бить – нельзя! – отрезал участковый. – Да и кто к кому приставал? О существовании школьниц мы знаем только со слов обвиняемого в нанесении побоев! Где от них заявление, а?

Я прищурился.

– Ну а если будет?

Старший лейтенант презрительно скривился.

– Найдёшь пару школьниц из ваших и подговоришь опорочить пострадавшего? Молодец!

Тираду милиционера прервал звонкий шлепок ладони по столешнице.

– Остановись! – недобро выдал начальник юротдела и указал на дверь. – И подожди наряд в коридоре, мне надо поговорить с подопечным с глазу на глаз. Игорь Иванович, будь добр, принеси докладную записку и жалобу.

Кадровик первым покинул кабинет, участковый ухмыльнулся уголком рта, но тоже вышел, оставив нас наедине. Юрист вздохнул.

– Не в моих правилах вмешиваться в такие ситуации, но это, – постучал он указательным пальцем по листку с показаниями продавщицы, – всё самым решительным образом меняет.

Я пожал плечами.

– Да так-то заявления школьниц уже есть, и список свидетелей составлен, но меня ж точно задержат, а не выйду завтра на смену – как пить дать, с работы турнут.

Начальник юротдела кивнул, но пробормотал себе под нос совсем о другом:

– Зря он окончания рабочего дня не дождался... – После вынул из ящика стола записную книжку, полистал её и принялся кому-то названивать. – Соедините с майором Ермиловым. Степной его спрашивает.

И – соединили. А вот дальше не задалось. Собеседник руководителя юрслужбы спортобщества определённо хорошо к нему относился и, надо понимать, мог на ситуацию повлиять, но вмешиваться в дела другого отделения категорически не желал, не говоря уже о том, что до какого-то орка ему не было ровным счётом никакого дела.

– Часом, не горотдел на проводе? – вполголоса поинтересовался я.

Юрист кивнул и сразу отмахнулся: мол, не мешай.

Но я, наоборот, придвинулся к нему поближе и прямо в трубку заорал:

– Майор Ермилов, это Гудвин из скорой! Который грабителей обезвредил на пару с упырём! И ещё у меня повестка к вашим экзорцистам... Тыфу ты! К экстрасенсам завтра на половину шестого! Так вот: я в случае задержания не смогу для дачи показаний явиться, а меня неделю пси-концентратом кололи! Сами порешаете или капитана Кузнецова на-

братъ? Он номер оставил, сказал звонить, если вдруг что. Мол, проконтролирует соблюдение законности...

В первый момент начальник юротдела попытался отвернуть микрофон и даже прикрыл было его ладонью, но очень быстро сориентировался в происходящем и, наоборот, направил его на меня, а после уточнил:

– Всё расслышал? – Судя по его довольному хохотку, собеседник ответил непечатно, но это обстоятельство юриста нисколько не обескуражило, и он принялся вводить собеседника в курс дела, а когда в кабинет зашёл кадровик, тут же услал его за моими вещами, сам же взял жалобу: – Так... Заявитель некто Коробейников, завгар треста благоустройства... Ага, теперь ясно, чего все как наскипидаренные забегали! Ну, слушай дальше!

Помимо моей одежды кадровик принёс в кабинет ещё и заявления школьниц, начальник юротдела зачитал их прямо по телефону и добавил:

– Да, обе несовершеннолетние. Как тебе такое? Обсудишь? Хорошо, жду звонка.

Он положил трубку на рычажки и уточнил:

– А что за капитан Кузнецов? Не слышал о таком раньше.

– Упырь из конторы, – сказал я, застёгивая молнию олимпийки. Натягивать штаны поверх шорт не стал, сразу обулся и начал завязывать шнурки.

Начальник юротдела посмотрел на кадровика и покачал головой.

– Ну и работников ты подбираешь, Игорь Иванович!

При этом из его голоса пропало напряжение, начали звучать отчасти даже вальняжные нотки. Кадровик эту перемену определённо уловил.

– Нешто плохой работник?

– Почему сразу плохой? Замечательный же!

Тут дверь без стука отворилась и внутрь прошёл старший лейтенант Давыдов.

– Гудвин, на выход! – объявил он.

В коридоре за дверью расположились двое рядовых и, судя по их хмурым физиономиям, эта парочка таёжных орков была настроена решительней некуда.

– Не торопись, Василий Николаевич, – с елеинной улыбкой проговорил начальник юротдела. – Я тут исключительно из хорошего отношения к тебе созвонился с майором Ермиловым из горотдела, он шибко этим делом заинтересовался. Да-да! Именно из хорошего отношения! Уберёт тебя от большой и, возможно, даже непоправимой ошибки...

Голос юриста так и сочился ядом, но пронять участкового не вышло.

– У меня собственное руководство есть, – отрезал старший лейтенант. – Задачи мне ставит оно и только оно!

– Можешь не рассказывать мне о субординации. Майор Ермилов всё согласует и с областным управлением, и с твоим непосредственным начальством.

Задрезжал телефонный аппарат, начальник юротдела

поднял трубку и приложил её к уху, но сразу протянул участковому.

– Тебя!

Старший лейтенант Давыдов принял у него трубку и назвал, очень скоро лицо его вытянулось от удивления и одновременно потемнело от возмущения.

– Но как так? Какая разница, что он у них по другому делу проходит? Но... Так точно! Есть передать все материалы! Да, понял. Будет исполнено.

Он вернул трубку, ожёг меня бешеным взглядом, но всё же сдержался и ничего не сказал. Сел за стол, раскрыл планшет и принялся оформлять повестку. Затем потребовал:

– Распишись!

Я расписался и тем самым обязался явиться завтра в горотдел не только к половине шестого, но ещё и к половине пятого. А старший лейтенант ушёл, так ни с кем и не попрощавшись.

– Может, ты ему премию выпишешь? – вдруг предложил начальник юрслужбы кадровику. – Ну, там, за спасение утопающих на воде? Отличился он хоть как-нибудь?

– Было что-то такое, – кивнул тот в ответ и отпустил меня: – Всё, должны были уехать уже. Иди!

– Нет, погоди! – остановил меня юрист, собрал в стопку показания продавщицы и заявления школьниц и посоветовал: – Ты прямо сегодня их в дежурную часть горотдела сдай, не жди до завтра. Пусть начинают колёсики крутиться.

Я пообещал так и поступить. Более того – именно так поступить я и собирался.

– Скажу всем, что это вы меня отбили, – предупредил, подходя к двери. – Ну, чтоб лишних вопросов не задавали.

Возражений не последовало, только кадровик напоследок уточнил:

– И как же ты обезвредил налётчиков, если не секрет?

– Насовсем, – ответил я и покинул кабинет.

Три

Прям сразу отправиться в горотдел не получилось – на выходе из спорткомплекса перехватили орки. Не только орки, конечно, ещё и прочие участники спортобщества подтянулись, например – помощник тренера ватерполистов Ян, но орков всё же собралось большинство.

Я дураком не был, в ситуации давно уже разобрался и протянул руку Эду.

– Спасибо, выручил!

– Да я-то что! – рассмеялся мой напарник. – Это Боря аж до директора дойти успел!

Я протянул руку теперь уже и таёжному орку.

– И тебе спасибо!

Рукопожатие у играющего тренера регбистов оказалось крепким даже по орочьим меркам – если б не тягал железо последние две недели, мог бы и поморщиться. Ну а так – нормально.

– Чем разрешилось-то всё в итоге? – спросил Борис. – В отделение тебя не забрали, а дальше что?

– Юрист связи в горотделе задействовал, все материалы туда передадут. Завтра поеду разбираться.

– Разбираться? – нахмурился здоровяк. – Надо тебе характеристику в кадрах запросить! И по месту работы тоже.

«Вот уж по месту работы точно не надо», – мысленно

хмыкнул я, а вслух сказал:

– Да какая ещё характеристика? Я ж тут без году неделя!

– И что с того? – фыркнул Борис. – Сейчас договорюсь!

Он утопал, понемногу начали расходиться и выразившие мне моральную поддержку спортсмены, вскоре я остался в компании Эда и Яна, тогда и поинтересовался:

– А юрист наш, так понимаю, в прошлом в органах работал?

Эльф кивнул.

– Степной-то? Ага, опером в местном отделении. Даже оперчасть вроде бы возглавлял, но тут врать не буду.

– Давыдов, участковый наш, у него в подчинении был, как я слышал, – подсказал Эд, – а потом какое-то ЧП у них случилось, и одному предложили заявление по собственному желанию написать, а другого в участковые перевели. Вот с тех пор между ними чёрная кошка и пробежала.

– Повезло мне, выходит, – усмехнулся я.

– Да не, Степной – мужик правильный, он завсегда за справедливость, – покачал головой Ян и задумался. – Но вообще... Ты мальцу леща отвесил?

– И пальцем его не тронул! У меня и свидетели есть!

Эльф рассмеялся.

– Вот так всем и говори!

Ну да – именно так я всем говорить и собирался. Чистая правда же!

Вернулся Борис, принёс синевшую живыми подписями и

оттиском печати характеристику.

– Игорь Иванович прям расстарался! – с довольным видом хохотнул он, когда я начал вчитываться в машинописный текст, и точно: представили меня дисциплинированным и уравновешенным работником, что для орка могло считаться едва ли не наивысшей похвалой. И пусть пока ещё и десяти дней не отработал, но хорошего человека, то есть – орка, видно сразу.

Эд помялся чуток, затем предложил:

– Слушай, Гудвин, а хочешь я показания дам, что ты того щегла не бил?

– Так ты ничего не видел же!

Но на попятную мой напарник не пошёл.

– И что с того?

– Да просто у меня свидетелей вагон и маленькая тележка. – Я похлопал себя по карману с записной книжкой. – Не надо подставляться. Поймают на противоречиях – потом уже не отмоешься.

Борис кивнул и сделал вид, будто отвечает Эду подзатыльник, тот досадливо отмахнулся.

– Я ж как лучше хочу!

– Нормально всё будет! – улыбнулся я. – Всё, бежать пора! Мне Степной кой-чего посоветовал, надо до вечера обернуться успеть, а то курсы ещё.

Но тут меня придержал Ян.

– Тебе сейчас куда? – уточнил поморский эльф. – Давай

подкину?

Эд и Борис переглянулись и синхронно замотали головами.

– Не соглашайся! – посоветовал островной орк.

– Ага, – согласился с ним орк таёжный. – Ян ужасно водит.

У него даже права забрали!

– Как забрали, так и вернули! – фыркнул эльф и уточнил: – Так тебе куда?

Уже начался вечерний час пик, и я решил, что лучше уж домчаться с ветерком, нежели трястись в битком набитом троллейбусе или трамвае, неладное заподозрил, только когда Ян вручил зелёный мотоциклетный шлем. Точнее – каску.

– О как! – озадачился я.

Эд развёл руками, но судя по его хитрой физиономии и ещё даже более довольной морде Бориса, не слишком-то пытались отговорить они меня отнюдь неспроста.

Мотоцикл у Яна оказался спортивным – с высоким дорожным просветом и большим ходом подвески, и то ли его специально доработали, то ли техника изначально производилась с учётом габаритов орков, но наш совокупный вес железный конь выдержал.

– Я особо разгоняться не буду, – предупредил эльф, – ты только сам не дёргайся. Шибко ты тяжёлый, баланс ни к чёрту...

Сел я, понятное дело, позади него – едва-едва на сиденье уместился, вцепился в натянувшего кожаную куртку эльфа,

и поехали! Поначалу и в самом деле катили неспешно, но стоило только Яну убедиться, что он полностью контролирует мотоцикл, и эльф поддал газу и взялся лавировать среди машин, благо транспортный поток был не слишком интенсивный, и в основном нам приходилось обгонять троллейбусы и грузовики.

Я и в прежней жизни игру в дорожные шашки не жаловал, а вестибулярный аппарат орка и вовсе к подобному перемещению оказался приспособлен паршивейшим образом. Зажмурился, и стало легче, но следом накатило страх: а ну как в кого врежемся?!

У меня ж экстрасенсорные способности – вдруг на что повлиять успею? – а вот так вслепую мчать... Брр...

Всего так и передёрнуло, и я открыл глаза, начал бороться с дурнотой, а когда к горлу всё же подкатил комок тошноты, привычно уже распалил в себе злость. Никакого труда это не составило: и денёк выдался не из лёгких, и на ограниченность нового тела был зол дальше некуда.

Ну вот что за дела ещё? Сам же на мопеде в молодости гонял! И ладно бы просто гонял – ещё и с разборок как-то ноги уносил! И – ничего, и – нормально! А теперь снова примерно в том возрасте, ещё и мышц страсть сколько, а на деле – размазня размазнёй!

Почудился намёк на электрическую щекотку внутри черепа, и я постарался перекроить себя, вновь сделаться прежним. Нисколько в этом не преуспел, конечно, но зато тошно-

та на убыль пошла. Не вырвало.

Ян этому обстоятельству откровенно удивился.

– Думал, опять куртку отмывать придётся! – усмехнулся он, ссадив меня перед горотделом.

– Очень смешно! – пробурчал я, упёрся ладонью в бетонный забор и зажмурился, задышал глубоко и часто.

– Серьёзно! Хорошо держался! Для лесостепного так и во все – исключительно. Из орков скорость только горные и островные нормально переносят. Серые – те вообще асы, синие не блюют, и то хлеб.

– Бирюзовые, – поправил я эльфа и стянул с головы каску. – Синие – джинны. Островные орки – бирюзовые.

Ян только отмахнулся.

– Это пусть девчонки оттенки своих платьев перебирают, у мужиков всё проще. Цвет морской волны не знаю. Знаю синий и голубой. И ещё зелёный. И пусть наш Эд не синий, но ты же понимаешь, что я не могу назвать его зеленовато-голубым? Он ведь «зеленовато» попросту не услышит!

Мы посмеялись, и эльф спросил:

– Тебя подождать?

Я вернул ему каску и покачал головой.

– Не нужно. Мне тут дальше по делам. Спасибо, что подкинул!

– Обращайся!

Ян подкрутил ручку газа и укатил, а я двинулся в дежурную часть. Там мне не обрадовались – вот вообще несколько

не обрадовались. Да оно и немудрено: как ни крути, я им грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, и развратные действия в отношении несовершеннолетних подкинул – ну или как таковые деяния именуются по здешнему уголовному кодексу.

– А ты кто вообще такой? – попытался было надавить на меня помощник дежурного, но я спокойно улыбнулся в ответ.

– Я – равнодушный гражданин и участник добровольной рабочей дружины!

– Заявление должны подавать пострадавшие или их представители!

– Так я и подаю! Вот моё заявление! А всё остальное до веском идёт!

– Ты не пострадавший!

– Да как – не пострадавший? Меня оскорбляли и на меня с кулаками бросались!

Прапорщик покачал головой.

– В зеркало на себя посмотри. Ты – не пострадавший.

Я вздохнул и потребовал:

– Майору Ермилову позвони.

– Зачем ещё?

– Он это дело на контроле держит. Материалы из районного отделения затребовал.

Прапорщик не поверил, но позвонил, а вернув трубку на рычажки, сказал:

– Жди!

Чего или кого ждать, не сказал, но вскоре всё прояснилось само собой: минут пять спустя подошёл молодой лейтенант, спросил что-то у помощника дежурного, затем обратился ко мне:

– Пройдёмте!

Я покачал головой.

– Никаких «пройдёмте»! Мне заявление сдать надо.

– Вот я и его и приму!

– Без отметки дежурного это не заявление будет, а филькина грамота!

Лейтенант с кислым видом меня оглядел и давить авторитетом не стал, указал на пустовавший сейчас стол, где обычно заполняли бумаги пострадавшие и писали объяснительные граждане, задержанные за незначительные проступки.

– Располагайся!

Мы сели друг напротив друга, и я передвинул листы милиционеру. Тот начал их просматривать, чем дальше, тем сильнее мрачней.

– Гад ты, зелёный! – выдал он наконец.

– Чего это? – удивился я.

– Того, ля! – бросил лейтенант, оглянувшись на аквариум с помощником дежурного и понизил голос: – Того! Какой ещё грабёж? Какие развратные действия? Тут даже пятнадцать суток давать не за что! Самое большее привод оформить и разъяснительную беседу провести!

Я откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула и скрестил руки.

– Да мне побоку, посадят их или пожурят! Это пусть прокурор и суд решают! Мне главное свой гражданский долг исполнить!

– Да на каком основании мы вообще у тебя эти писульки принимать должны? Почему пострадавшие сами не пришли?

– Я равнодушный гражданин и этот, как его... А! Член добровольной рабочей дружины, во! А пострадавшие находятся в состоянии шока. Не имеете права заявление не регистрировать!

– Ну ты хоть переформулируй его тогда!

– Не-а! Там всё по делу написано!

Лейтенант подался ко мне над столом и прошипел:

– Ты же понимаешь, что это всяк? Одно дело, когда хулиганство нераскрытым остаётся, и совсем другое, когда такое...

Он постучал пальцем по листкам, и я тоже наклонился вперёд, столь же негромко прошептал:

– Какой всяк, если организатор преступного сообщества установлен?

– Как так?

– Об косяк! – ухмыльнулся я. – Чего думаешь, тебя майор сюда погнал? С ним обговорено всё уже!

Лейтенант сел ровно и нахмурился.

– А почему тогда о личности подозреваемого у тебя ни

слова?

– А его папенька уже позже на меня заявление в местное отделение накатал.

– По поводу?

– Клевещет, что я к его сынульке меры физического воздействия применил.

– А ты?

– И пальцем его не тронул.

Молодой человек тяжело вздохнул, достал записную книжку и шариковую ручку, потребовал:

– Диктуй!

Я назвал фамилию и место работы товарища Коробейникова, после чего в свою очередь попросил:

– И ты тоже свои установочные данные назови. Мало ли что ещё всплывёт.

– Лейтенант Иванов.

Я поднял взгляд на собеседника.

– Иван Иванович?

Щёку милиционера дёрнул нервный тик.

– Да! – с вызовом подтвердил он. – Иванов Иван Иванович!

Никак комментировать услышанное я не стал, записал фамилию-имя-отчество, узнал рабочий телефон и спросил:

– Ну что – регистрируем?

– Подожди! – Лейтенант отошёл к помощнику дежурного и связался с кем-то по телефону, затем махнул мне рукой. –

Гудвин, подходи!

Я подошёл и сдал заявление, а затем с меня требовали выписанную участковым повестку и оформили взамен неё новую, на то же самое время.

– Чтоб без опозданий! – предупредил Иван Иванович.

Я пообещал быть как штык. Вышел на улицу и с шумом перевёл дух.

Вроде как пронесло. Вроде как отбрехался.

Но расслабляться было некогда, вызнал у куривших тут же милиционеров, как пройти к горздраву, туда и поспешил.

Добираться пришлось с пересадками, что настроения мне нисколько не улучшило. И злился отнюдь не из-за потраченных на билеты копеек – просто с нынешними габаритами в общественном транспорте было откровенно тесновато. Особенно в автобусах и троллейбусах. Ещё и тряска – после поездки на мотоцикле до сих пор так и мутило, а тут ещё это...

Но поехал и доехал, а на проходной пятиэтажного здания основательной и, пожалуй, ещё довоенной постройки предъявил направление и служебное удостоверение, после чего был послан в двести второй кабинет.

– К Петровичу тебе! – подсказал вахтёр и этим слишком уж панибратским именованием меня изрядно озадачил.

Петрович – это слесарь, сантехник, электрик или знакомый мужик из соседнего гаража, но никак не руководитель среднего звена в организации городского уровня. Такое за-

панибратское отношение даже большим желанием оказаться поближе к народу объяснить было нельзя, но таковым стремлением оно и не объяснялось.

Петрович оказался Захаровичем. Так на табличке двести второго кабинета и значилось: «Иван Захарович Петрович».

«Забавно», – мысленно хмыкнул я и постучал, после заглянул кабинет и в ответ на вопросительный взгляд лысого мужчины средних лет произнёс:

– Гудвин, по направлению в дружину.

– Заходи! – разрешил Петрович, как мне показалось отчасти слегка даже озадаченно. – Гудвин, говоришь?

Он принял у меня документы, проглядел их и многозначительно хмыкнул, затем достал из несгораемого шкафа толстенный журнал и не преминул попенять:

– Смотрю, ты совсем не торопился!

– Работаю, – спокойно ответил я.

– Все работают! – не принял всерьёз эту отговорку Иван Захарович. – Дружина у нас, чтоб ты знал, не только добровольная, но ещё и рабочая! Что у тебя – выходных нет?

Я взялся за спинку стула и осторожно его пошатал, после чего рискнул присесть.

– Нет выходных, – подтвердил я. – Смены через день и ещё спасателем на пляже подрабатываю. А по вечерам на курсах оказания первой помощи обучаюсь. С девяти до десяти вечера до конца сентября занят буду. Когда ещё и в дружине участвовать – даже не представляю.

– А записался тогда зачем?

– Попросили.

– То есть не от высокой гражданской сознательности? – прищурился Петрович. – Мне это тебе в личное дело занести? «Попросили»?

Отвертеться от участия в дружине не было никакой возможности, так что я махнул рукой.

– Давайте лучше про гражданское самосознание и стремление к борьбе за всё хорошее против всего плохого.

Ляпнул это и побоялся даже, что перегнул палку, но нет – прокатило.

– Вот! – улыбнулся хозяин кабинета. – Соображаешь! – Он уселся за стол, взял листок и шариковую ручку. – Спортом увлекаешься?

– Гребу.

Петрович записал и уточнил:

– Бокс, борьба?

– Уверенный пользователь.

– Разряды имеешь?

– Второй пси-разряд.

– Тоже неплохо...

Иван Захарович наскоро меня опросил и откинулся на спинку кресла.

– Ну и за что тебя к нам спровадили?

Я пожал плечами.

– Романа Коростеля комиком назвал, да острословы пере-

иначили.

– И как переиначили?

– В рифму.

Петрович покачал головой.

– Орки! – Он вздохнул, снял очки и потёр пальцами переносицу. – В дружину кто попросил записаться, если с Романом на ножах?

– Профорг.

– А-а! – понимающе улыбнулся хозяин кабинета. – А он взамен тебя со служебной проверкой прикрыть пообещал?

Я покачал головой.

– Не совсем так напрямую, но близко к этому.

– Хорошо!

Иван Захарович поднялся из-за стола и принялся вышагивать туда-обратно. Меня аж замутило снова, поэтому уставился в единственное окно.

– Не могу сказать, будто в системе здравоохранения работают исключительно женщины, – начал вещать Петрович после недолгой паузы, – но в горздраве дела обстоят именно так. Дополнительно всё усугубляет расовый состав, сильно средний возраст и наличие высшего образования. Мужчины в дружине на вес золота, а направляют нам обычно тех, кто на земле ко двору не пришёлся и с кем каши не сварить. Ты – редкое исключение!

Я не удержался и вздохнул, но ничего говорить не стал.

Ну а что тут можно было сказать?

Влип!

– Для начала поглядим тебя в деле, а там видно будет, – решил Иван Захарович. – Но вот твой рабочий график никуда не годится!

– С подработки увольняться не стану, курсы не брошу, – сразу предупредил я.

Хозяин кабинета глянул на меня в ответ с нескрываемой насмешкой.

– Вот дашь в следующий раз пациенту в рожу, и кто тебя прикроет? Арсен Игнатович? Да как же! На него где сядешь, там и слезешь!

– Поживём – увидим. В сентябре могу после десяти на дежурства выходить.

– Тебе ещё до нас добираться придётся! – скривился Иван Захарович. – Ладно, приходи в пятницу к семи на собрание. Подумаю, как тебя лучше задействовать.

Лучше меня было не задействовать никак, но говорить об этом вслух не стал и поднялся с жалобно скрипнувшего стула.

– погоди! – остановил хозяин кабинета и вновь полез в нескораемый шкаф. Он порылся там, отыскал удостоверение дружинника и протянул его мне. – Держи!

Удивительное дело, но удостоверение оказалось не просто выписано на моё имя, в него ещё и мою фотокарточку вклеили – не иначе из личного дела в больнице взяли.

– Гудвин... – задумчиво протянул Иван Захарович. – А я,

грешным делом, решил, что к нам стилигю сплавили! Знаешь кого из этих моральных разложенцев?

– Недавно в городе, не успел пока знакомств завести, – сказал я и уточнил: – А что – погнали бы стилигю из дружины поганой метлой?

Иван Захарович поднялся из-за стола.

– Политика партии такова... – Он скривился и откашлялся. – Ладно! Времена изменились, и теперь у нас вроде как главенствует прямое народное волеизъявление, поэтому скажу иначе. Есть мнение, что стилиги – это не просто асоциальная субкультура и даже не деструктивное течение, а самая настоящая пятая колонна и питательная среда для спекулянтов, пропагандистов чуждого нам образа жизни и распространителей порнографии! Иностранная музыка и фирменная одежда – это лишь красивая обёртка, скрывающая неприглядное нутро и сбивающая с пути истинного молодёжь!

– Не в бровь, а в глаз! – кивнул я. – Эти бы слова, да отлить в граните!

– В граните?

– Бронзой!

– Говоришь, Романа комиком назвал? – прищурился хозяин кабинета. – А скажи-ка, имя такое почему себе выбрал?

– Эльфийку закадрить хочу, – чистосердечно сознался я. – Только не лесную, а поморскую или тёмную. Подсушусь, приоденусь...

– Клыки вырвешь... – вставил Иван Захарович.

– Пойду эльфиек кадрить, – продолжил я, не поддавшись на провокацию. – Представлюсь, они: «да какой ты Гудвин?», а у меня паспорт! Получите, распишитесь! Всё, дело в шляпе! Намерения серьёзные, можно сразу в ЗАГС!

– Тем эльфийкам, которые со стилистами знают, твой паспорт до одного места, им деньги и шмотки подавай! – отмахнулся хозяин кабинета и покачал головой. – Но в общем-то даже хорошо, что ты зелёный и плоский...

– Чего? – озадачился я, в первый момент решив даже, будто ослышался.

– Зелёный, говорю, ты ещё совсем и шутки у тебя плоские! – пояснил Иван Захарович. – К стилистам идеально впишешься! А как обзаведёшься знакомствами, так ушами не хлопай – смотри кто есть кто. Меломаны, модники, бабники и прочие гуляки – это одно. А фарцовщики и пропагандисты чуждого нам образа жизни – уже совсем другой коленкор. Общение с первыми тебе только порицанием на совете дружины или собрании актива грозит, а свяжешься со вторыми, и... – Он скрестил пальцы решёткой. – Понимаешь, о чём я?

– Да чего уж тут не понять? – вздохнул я и без особой надежды уточнил: – А можно без собрания в пятницу? Не хочу тренировку пропускать.

– Позвони ближе к обеду, решим.

Так вот в моей записной книжке и появился ещё один номер.

Начал обрастать знакомствами помаленьку. Жаль только, всё больше не теми...

В центре повышения квалификации вопреки обыкновению я в спортзал не пошёл и сразу отправился в библиотеку повышать свою юридическую грамотность. Нельзя сказать, будто проштудировал уголовный кодекс от корки и до корки, но проглядел все наиболее актуальные статьи, благо так уж сильно от знакомого мне он не отличался. Куда больше времени изучал кодекс уголовно-процессуальный – опять же в той части, которая могла коснуться непосредственно меня.

На занятиях по оказанию первой помощи тоже не фило-нил и записывал основные моменты в тетрадь, а по их за-вершении вновь отказал себе в удовольствии поколотить по боксёрскому мешку и сразу отправился домой.

Там меня уже ждали. Нет – не Эля, другая орчиха, сильно постарше.

– Думала, не придёшь! – с недовольным видом объявила встретившая на входе комендант семейного общежития и позвала за собой: – Идём!

В своей комнате она сразу требовала с меня паспорт и принялась заполнять документы. После собрала с пяток подписей и паспорт уже не вернула, пояснив:

– Сразу и пропишут.

Я тяжело вздохнул и уточнил:

– Делать-то что нужно будет?

– Завтра всё покажу, сейчас темно уже. В половине седьмого выходи во двор.

– Поздно, – покачал я головой. – В половине седьмого у меня уже другая подработка.

Тётка глянула скептически и заявила:

– Тогда в шесть. И смотри: будешь филонить, погоню поганой метлой!

– Да уж понятно!

Одна работа, другая работа, две подработки, курсы и условно добровольная дружина – многовато для одного орка! Но деваться было некуда, уж дотяну как-нибудь до октября, а там проще станет. Если, конечно, завтра новых проблем не подвалит. Едва ли допрос под медикаментозным гипнозом какие-нибудь неожиданности преподнесёт, но может ведь и такое случиться!

Эля ещё не спала, но и меня она тоже не ждала: лежала в кровати и читала. Не книгу читала, а какой-то длиннющий рулон распечатки на матричном принтере. На звук распахнувшейся двери – ноль внимания.

Я задвинул шпингалет, разулся и скрылся в ванной, вымыл руки, почистил зубы, пошёл ставить и заправлять раскладушку.

– Представляешь, в прошлой жизни я была эльфийкой – странствующей гиперборейской торговкой! – объявила вдруг медсестра. – И жила в восемнадцатом веке!

Я аж вздрогнул от неожиданности.

– В прошлой жизни я была эльфийкой! – с восторгом повторила Эля.

– И с чего ты это взяла? – осторожно уточнил я.

– Да вот же! – потрясла зеленокожая девица распечаткой. – Тут всё просчитано!

– Это что?

– Это мне Надька из расчётного на ночь дала! – не слишком-то понятно заявила медсестра. – Вот смотри: тут выбираешь варианты: пол и день недели, в который родился, а ещё...

Я не удержался и коротко выдал:

– Фуфло!

– Что – фуфло?! – возмутилась Эля. – Вот давай посмотрим, кем ты был!

– И так знаю, – фыркнул я.

– И кем же?

– Человеком.

– И чем занимался?

– Родился, учился, служил в армии, потом... Ну, так скажем, решал проблемы.

Эля наскоро просмотрела распечатку и обиженно выдала:

– Врёшь ты всё! Нет здесь такого!

– Так я и говорю: фуфло! Сколько там вариантов на выходе? Сорок восемь? А остальное как же?

– Тут всё основное охвачено!

Я покачал головой.

– Вот у тебя среднее специальное образование, так попробуй задействовать логику! С населением земного шара со временем что происходит? Оно увеличивается, так? Так сама подумай, сколько Эль, Кать и Надь были той самой эльфийской торговкой? Как они все в неё утрамбовались?

Эля с ответом не нашлась, фыркнула и отвернулась. К занятиям лечебной физкультурой она сегодня была определённо не расположена, но остановило меня от налаживания горизонтальных связей отнюдь не дурное настроение сожительницы, а полученный от коллег совет о нерегулярности половых сношений.

Завёл будильник, лёг спать.

Утром пообщаться с Элей тоже не получилось. Продрал глаза, оделся, вышел во двор.

Тот был не таким уж и просторным, но, как пояснила тётя Тамара, поддерживать порядок требовалось ещё и на прилегающей к общежитию территории. На мне же был и вывоз мусора, а вот коридоры мыла приходящая техничка. К слову, все свои лентяйки, вёдра, тряпки и прочий инвентарь та хранила в полуподвальном помещении дворницкой, а с учётом прочего хлама у меня в узкую комнатку с заложенным кирпичной кладкой окном даже войти не получилось. Огляделся с порога и спросил:

– А с окном что, тётя Тамар?

Комендант общежития только плечами пожала.

– Всегда так было, ещё до меня заложили. Да и на кой тебе окно? Отдушина есть, не задохнёшься.

В верхнем правом углу и в самом деле не хватало нескольких кирпичей, но наличие эдакой форточки меня особо даже не порадовало. И не светлее от неё, и дуть будет. Тряпкой не заткнёшь – куском поролона, если только.

Лампочка на сорок ватт под потолком подозрительно мигала, я щёлкнул выключателем и по лестнице в пять ступеней поднялся в коридор, встал у входной двери общежития.

– Приберусь там! – предупредил коменданта, хоть переселяться в комнатуху с кирпичными стенами и голым каменным полом и не собирался.

– Главное, на территории порядок поддерживай! – отмахнулась от меня тётя Тамара.

– Завтра с утра встану пораньше и всё сделаю, – пообещал я и поспешил в молочный магазин.

То ли чуток припозднился, то ли первая из машин приехала раньше обычного, только на задворках торговой точки уже курил недовольный шофёр, да и у заведующей, когда вручала мне честно заработанный рубль и пару традиционных пачек просроченного творога, тоже физиономия была не шибко приветливой.

«Разбаловал! – подумалось мне. – Ни прогулов, ни ещё каких пьяных выходов! Пару дней не пришёл, заранее о том предупредив, и уже косо смотрит. А ведь золотой работник

же!»

Я сразу развернул одну из пачек, на ходу куснул и смахнул с подбородка творожные зёрна, а только заработал челюстями и вышел с задов магазина в переулок, и вот уже – стоят. Не в ряд и не восемь, но это как-то даже особо не порадовало. Восемь или пять – разницы никакой, и уж лучше бы рядом выстроились. Но нет же – обходят, окружают!

– Что – думал, не найду? – злорадно оскалился Костяй, будто нарочно отвлекая внимание на себя.

Четвёрка орков взяла в коробочку, и возник резонный вопрос: на что они вообще рассчитывают?

Точно же о моём разряде знают! И о том, как я показал себя во время нападения на скорую, не слышать тоже никак не могли, а значит – подготовились. Их бы выбросом психической энергии раскидать, но...

– Ты, Костик...

Обратился я к заводиле и шагнул вроде бы тоже к нему, но при этом наступил на ногу придвинувшемуся сбоку громиле, врезал ему в развороте снизу вверх. Хук на боксёрских мешках я отработал едва ли не до совершенства, кулак угодил точно в мощный подбородок, голова орка резко дёрнулась назад, а колени подломились, и амбал начал заваливаться назад.

Он ещё на землю упасть не успел, а я уже выбросил назад правую ногу. И – толчок! Налетевший животом на подошву моего кроссовка громилка охнул и кастетом не дотянулся

– сложился надвое. Меня бросило в другую сторону – аккуратно на Костя: если б попытался восстановить равновесие, непременно получил бы здоровенным кулачищем в лицо, а так упал на асфальт и, продолжая движение, кувыркнулся через плечо.

Не ожидавший ничего такого заводила промахнулся и провалился в молодецкий выпад. Пробыть бы ему, но – не успел. Вскочил на ноги, развернулся и вот уже – четверо в ряд! Кто чуток меня похлипче, а кто и поздоровей.

Не отмахаться!

Мелькнула мысль сделать ноги, но побегу – так дальше и буду бегать как заяц, рано или поздно подкараулят и прихватят. Да и удирать от этих вот щеглов?

Я даже толком не разозлился, просто мир вдруг сделался красным, а дальше из меня вырвалось хриплое:

– Валите!

Резкий выброс пси-энергии сбил с ног парочку орков и заставил плюхнуться на задницу Костя, а вот громила с кастетом через него уверенно проломился – правда после затряс рукой в попытке избавиться от сыпанувшего искрами и, должно быть, сильно нагревшегося при этом барашка вентиля. Тот застрял на пальцах, и я воспользовался моментом, миг оказался рядом, ухватил мордovorота и провёл бросок через бедро. Сработал техничней некуда, и противник со всего маху влетел в стену дома, повалился на тротуар, а когда начал не слишком уверенно подниматься, то получил

ногой в голову и прилёг отдохнуть.

«Только б не прибить ненароком», – подумал я, развернулся и со смешком выдал:

– Их осталось трое!

Только нет – парочка сбитых с ног выбросом пси-энергии парней решила, что с них довольно и рванула прочь, бросив заводилу в одиночестве.

И тут я увидел на асфальте растоптанные пачки творога. Обе пачки. Обе в кашу.

Щёлк!

Костяй ничего даже сказать не успел, я вмиг оказался рядом, стукнул его раз и другой. Что-то хрустнуло, что-то булькнуло, молодчик упал, меня отпустило.

Су-у-ука! Это ж меня не как орка накрыло, это я его чисто по-человечески от всей души отоварил! Прямо как в старые добрые времена!

Плохо, плохо, плохо!

Если наглухо уработал... Но – нет, орки были заметно крепче людей, так что Костяя я не прикончил и вроде бы даже не покалечил, но это не точно, это ему в травматологии подскажут, если туда обратиться решит.

Застонал первый отправленный мной в нокаут мордovorot, заворочался громила с кастетом, да ещё в соседнем доме распахнулось окно, и какая-то чересчур бдительная гномиха крикнула:

– Ну-ка прекратите немедленно! Сейчас милицию вызо-

ву!

При наличии домашнего телефона старушка бы непременно так и поступила, но в любом случае задерживаться тут я не стал, наступил напоследок Костяю на пальцы и поспешил к выходу из переулка.

Вот же бестолочи...

Пока шагал до больницы, нисколько не успокоился, и дождавшаяся меня у служебной проходной Эля спросила:

– Чего такой растрёпанный?

– Работал, – буркнул я в ответ. – Ну а ты чего? Сегодня могла бы и сама зайти!

Медсестра обиженно поджала губы и распахнула дверь проходной. К ней у охранников вопросов не возникло, мне ожидаемо велели топать к заведующему отделением скорой помощи. Но именно что туда я не пошёл и первым делом наведалься в отделение нетрадиционной медицины. Полежал под капельницей с пси-концентратом, а после в ответ на вопрос врача развёл руками.

– Что капали, что не капали!

Поморский эльф поправил очки и буркнул:

– Было бы странно, если б ты заметил какой-то эффект при отсутствии его после первой капельницы.

– Да я в целом. Курс же прокапали!

– Как по мне – пустая трата пси-концентрата, – признал Максим Игоревич, сев за стул и положив ладони на трёхлит-

ровую банку с водой, глянул поверх очков. – Но ты ж по направлению от МВД, а у них свои резоны. Может, и выйдет толк.

– Это вряд ли! – усмехнулся я и лишь после этого отправился на встречу с заведующим отделением скорой помощи. Впрочем, на приём к нему в любом случае не попал: направление в пси-блок мне вручила строгая тётенька-секретарь.

Оценив мой озадаченный взгляд, она скупо улыбнулась.

– Машина ваша в ремонте и шофёр на больничном, а там вакансия. В обед сходи в кадры, с приказом о временном переводе ознакомься.

Я кивнул.

– Схожу. – И уточнил: – А предполётный медосмотр мне теперь проходить?

– Не нужно. Переодевайся и топай в пси-блок.

Так я и поступил.

В пси-блоке моему появлению... удивились.

Начальник смены – средних лет таёжный орк, уже начавший сесть и обрастать жирком, но до сих пор мощный как танк, скрестил на груди руки и с нескрываемой неприязнью произнёс:

– Вот ещё только лесостепных нам тут не хватало!

Мне общаться с чёрно-зелёными образинами тоже несколько не хотелось, но конфликта провоцировать не стал и напомнил:

– У меня второй пси-разряд!

– Да хоть третий! – рубанул мясистой ладонью воздух пожилой громила.

Но, как ни странно, нашлись среди готовившихся заступать на дежурство орков у меня и заступники.

– Да ладно тебе, Семёныч! – заявил вдруг смутно знакомый санитар. – Нормально он нам в прошлый раз со сбрендившим троллем помог! Скажи, Толя!

Другой орк кивнул.

– Было дело. Мы ж рассказывали – он его в подкате сбил! Футболист, ля!

– Вот и берите его тогда себе стажёром! – объявил Семёныч. – Покажите что и как, инструктаж проведите. Короче, разберётесь! Не маленькие!

Анатолий пихнул напарника в бок.

– Ни одно доброе дело не останется безнаказанным, да?

– Ну ты чего? – расплылся тот в довольной улыбке. – Втроём работу делать всяко проще, чем вдвоём!

– А ведь и верно! За куревом будет кого сгонять!

– И подменит, если что!

Орки заржали, кто-то потребовал:

– Семёныч, нам тоже стажёр нужен!

– В жопу идите! – отмахнулся тот и утопал, ну а меня повели знакомиться с заведёнными в пси-блоке порядками.

Увы, ознакомительная прогулка не задалась с самого начала. Нет, пациенты вели себя прилично, и не так уж сильно

давила на психику мрачная, чуть ли не тюремная атмосфера со всеми этими решётками и запорами, дело оказалось в санитарах. Мои новые напарники были ребятами беззлобными, поладить с ними не составило никакого труда, но повстречались в коридорчике Лёха и Сёма, и сразу стало ясно, что спокойной жизни в пси-блоке не видать.

Пусть и нельзя сказать, будто в прошлый раз я эту парочку дуболомов прям раскатал, но двум таёжным одного лесостепного в бараний рог не скрутить – это ж позор на всю жизнь! Коллеги над ними ещё долго подтрунивать будут, а тут такой раздражитель в моём лице.

Нехорошо.

Точно сквитаться попытаются, пусть и не так сразу. Я ж в день, они вроде как в ночь – точек пересечения у нас самый минимум, а там, глядишь, машину отремонтируют и нового водителя назначат. Ну или Жора с больничного выйдет. Временный же перевод! Временный!

Я ошибся и одновременно оказался на сто процентов прав. Достали меня тем же утром, а перевод оказался временней некуда. Прямо-таки краткосрочным. Часа не прошло, как притопал Семёныч, хмуро глянул на меня и объявил:

– Ошибка вышла, зелёный! Нет у нас вакансий!

– Как нет? – поразился Толя. – Да...

– Чу из неотложки перевели! – перебил его начальник смены. – Штат укомплектован, свободных единиц нет!

Второй мой скоротечный напарник так и подобрался.

– Чу?! Да он же дуб дубом!

– Натаскаем коллективом!

– Э-э, нет! – Орки разом скрестили на груди руки. – Мы одного уже воспитали, план по наставничеству на этот год закрыли! С Чу пусть другие возьмётся!

– Разберёмся! – отмахнулся от них Семёныч, а мне сказал: – Свободен, зелёный!

– В смысле, свободен? – опешил я. – Меня сюда приказом о переводе направили, а ты кто такой? Я сейчас уйду, и мне потом прогул впают, да?

Мои бывшие теперь уже напарники довольно ослабились.

– Так его, Гудвин! Обкладывайся бумажками! Без бумажки ты букашка!

– Без бумажки как с бумажкой! – отрезал начальник смены. – Сейчас в отдел кадров позвоню, пусть там с тобой нянчатся!

И – позвонил. Ещё и трубку мне передал, дабы я самостоятельно выслушал распоряжение в этот самый отдел кадров немедленно явиться.

– Нечего тебе у нас делать, – заявил он напоследок. – Так для всех лучше будет.

И вот если с первым утверждением я был всецело согласен, то касательно второго испытывал вполне обоснованные сомнения. Но деваться было некуда – ушёл, даже дверью не

хлопнув, не стал истерику закатывать.

Во дворе курили освободившиеся после ночной смены санитары, обнаружили там и Сёма с Лёхой.

– Уже отработал? – заржал первый.

– Быстро тебе пинка под зад дали! – поддержал приятеля второй.

Я остановился, обернулся.

– Вы аккуратней, ребята! – произнёс с добродушной улыбкой. – Костяй с утра приболел, как бы и вы от него не заразились.

Парочка громил разом бросила лыбиться и напряглась, а один из санитаров постарше кинул окурок в урну и попенял мне размытостью формулировок:

– Загадками говоришь, молодой! Чем заболел-то, а?

Шутку о вазелине Сёма и Лёха не забыли, аж кулаки стиснули в ожидании, что прозвучит заболевание, подпадающее под известную всем и каждому аббревиатуру из четырёх букв, но меньше всего мне хотелось рассориться с проформом, нарушив данное тому слово, поэтому лишь пожал плечами.

– Не травматолог такие диагнозы ставить.

И потопал себе спокойненько в отдел кадров. К Людмиле заходить не стал – просто очень уж был зол после не шибко-то приятного общения со своими таёжными сородичами, да и пси-концентрат ещё усвоиться организмом не успел, было неуютно и нервно. Тронь – искры полетят, вот и решил

высказать претензии начальнику отдела.

Высказать – высказал, но отфутболил меня невозмутимый дядечка в итоге к своему заместителю, коим как раз Людмила и оказалась.

– Дурдом! – вроде как пожаловалась дамочка. – Договорятся через мою голову не пойми о чём, по документам не проведут, в табелях не отразят. А ты потом это всё разгребай! Ещё и на недостаточный контроль попеняют! И ведь ни заявления о переводе не было, ни приказа – откуда бы мы о переводе узнать могли?

Я только руками развёл.

И в самом деле – откуда, если все эти договорённости не далее как полчаса назад случились после того, как мои дружочки своему начальству жаловаться прибежали?

Таёжное братство, ля!

– Придётся тебя временно в неотложку перевести, – заявила Людмила, так и не дождавшись от меня никакой внятной реакции на свои слова. – Других подходящих вакансий в больнице сейчас попросту нет.

– Ну это же временно, так? – уточнил я на всякий случай.

– Да, пока машину не починят, – подтвердила кадровичка. – Думаю, даже шофёра на замену получится найти, но вот по срокам ремонта ничего не скажу. У нас перерасход сметы в этом квартале, а завгар после ревизии строгий выговор получил и на больничный ушёл. Запчасти, работа – нет, даже предполагать не возьмусь. В сентябре точно ничего не

сделают.

Я вздохнул.

– Да уж поработаю в неотложке пока.

– Только тебя придётся на ночные дежурства поставить, – огорошила меня Людмила. – Так же через день, только с восьми вечера и до восьми утра.

Удержаться от крепкого словца удалось лишь в силу того, что заранее решил во что бы то ни стало сохранять спокойствие, и даже так физиономию перекосило красноречивей некуда, пришлось в ответ на вопросительный взгляд кадровички пояснить:

– Накрылась подработка! Медным тазом, ага!

– Ты по ночам подрабатывал? – озадачилась Людмила.

– По утрам, – вздохнул я. – С половины седьмого до половины восьмого. И через день я там никому не нужен, так что тридцатка в месяц чистых убытков.

– Медперсоналу за ночные часы доплата в размере тридцати пяти процентов полагается, а в скорых и неотложках и вовсе половину доплачивают. С десяти до шести – это восемь часов... – Она открыла верхний ящик стола и вытащила из него здоровенный калькулятор, потыкала пальцами в клавиши и объявила: – Итого к твоему окладу двадцать шесть рублей в месяц доплата выходить будет.

Сто шесть рублей и двадцатка за пси-разряд сверху?

Вроде бы неплохо, но я поморщился.

– Доплата сегодня есть, а завтра её нет, да и расчёт только

в октябре...

Людмила рассмеялась.

– Что такое? – озадачился я.

– Да просто не похож ты на орка, который каждую копейку считает! Так и скажи, что ночные смены семейной жизни помехой станут!

– Какой ещё семейной жизни? – буркнул я. – Не захомутили меня пока!

– А как же Эля из терапии?

Слухи по больнице распространялись быстрее заболеваемости в эпидемию гриппа, и хоть ничего объяснять тут было и не нужно, я всё же доверительно подался вперёд.

– Только между нами: с Элей у нас чисто деловое соглашение. Я слежу, чтобы никто руки не распускал, а она мне дворником в семейное общежитие устроиться помогла.

На кой чёрт разоткровенничался – не понял и сам. И уж не знаю, поверила мне Людмила или нет, но глянула она в ответ насмешливей некуда.

– И теперь ты этой подработке лишишься?

Я покачал головой.

– Не этой, другой.

Кадровичка удивлённо распахнула глаза.

– Сколько же их у тебя?

– Было три – теперь, получается, две будет. – Я с тяжким вздохом поднялся со стула. – Ладно, пойду двор мести, раз день свободный выдался. Да! Мне теперь когда на смену вы-

ходить? И в какое время?

Людмила проверила табель и сказала:

– Завтра в восемь. – После не утерпела и полюбопытствовала: – И на что копишь, если не секрет? Или занять себя нечем?

– Занятий у меня – хоть отбавляй! – рассмеялся я. – Спортом увлекаюсь, в шахматы играю, в библиотеку хожу. А коплю на зубы. Прикус буду исправлять, но по моим показаниям только в частный кабинет идти.

Дамочка прищурилась.

– А на субботу у тебя какие планы?

Я принялся загибать пальцы.

– Среда, пятница, воскресенье... Дежурю в ночь, потом на курсы... Освобожусь после одиннадцати, и день свободен. А что?

– Картошку выкопать надо. Сотки две, наверное. С меня десять рублей и обед. Интересует?

Я не удержался и кинул взгляд на её обручальное кольцо.

– А муж что же?

– А муж объелся груш! – отшутилась Людмила. – Так возьмёшься или не по тебе руки мозолить?

Выразительно глянув на свои ладони, я и улыбнулся.

– Возьмусь, чего нет-то? Куда и когда?

– А как отоспишься, так и приходи.

Людмила продиктовала адрес, я внёс его в записную книжку, заодно узнал, что огород находится в садовом това-

риществе на берегу озера – буквально в пяти минутах ходьбы от динамовского пляжа. Кивнул и пообещал быть как штык.

«Точнее – как лопата. Штыковая!» – хотел пошутить, но задребезжал телефонный аппарат на столе, поэтому ушёл, молча притворив за собой дверь.

Двор мести нисколько не хотелось, поэтому отправился в стационар, дабы проведать своих приболевших коллег. В особенности меня интересовало состояние Жоры, но наш водитель в больнице так и не объявился. Не удалось застать в больнице и Дарью, поскольку эльфийку уже перевели на домашнее лечение. А вот дядю Вову ещё только выписывали, и я задержался его подождать.

Упырь заметно похудел и ещё даже сильнее против обычного осунулся, но выглядел при этом несказанно более живым. Не знаю, с чего это взял. Показалось.

– Нормально тебя прокапали, – отметил, когда мы зашагали по больничному коридору.

Дядя Вова хохотнул.

– Дробное питание творит чудеса!

– В смысле? – озадачился было я, но сразу высказал пришедшее на ум предположение: – Тебе месячную норму крови по чуть-чуть теперь скармливают?

– Весь сентябрь так кормить будут, – с довольной улыбкой подтвердил упырь. – И там не месячная, а трёхмесячная получится. Усиленное дробное питание – это, доложу тебе,

большое дело!

Я не удержался и фыркнул.

– А чего не на постоянной так? Кровь в дефиците?

– Ну ты уж совсем-то систему снабжения не принижай! – усмехнулся дядя Вова. – Всё дело в том, что при таком рационе слишком высок риск заполучить зависимость. А шансы на возвращение к трезвому образу жизни после этого, прямо скажем, невелики. Совсем как в анекдоте про пятьдесят на пятьдесят. Знаешь такой?

– Угу, – подтвердил я.

– Так что я до конца месяца под особым надзором и раньше октября на работу точно не выйду.

Мы спустились с больничного крыльца, и я вздохнул.

– Ну и ладно. В неотложке пока поработаю. Продержусь, поди, две недели ночных смен.

– Широко шагая, можно порвать штаны! – многозначительно изрёк в ответ дядя Вова и пояснил свою мысль: – Тебе не о ночных сменах беспокоиться стоит, у тебя допрос под медикаментозным гипнозом сегодня!

Я махнул рукой.

– Должны прикрыть.

– Уж профорг прикроет, так прикроет! – скривился упырь, достал из кармана пачку сигарет, поглядел на неё и сунул обратно, не став закуривать.

– Лишние аллергены? – предположил я.

Дядя Вова отмахнулся.

– Да какие там аллергены? Просто жизнь и без того острее некуда чувствую, чтобы ощущения такими вот приправами подстёгивать.

– Ну и лови момент, – посоветовал я. – Бабёнку заведи...

– Одну? – приподнял брови дядя Вова. – Ты меня недооцениваешь! – Он покачал головой, а потом вдруг спросил: – На третий пси-разряд переходить собираешься вообще?

Я так на него и вылупился.

– Перейду со временем, не так же сразу!

– А чего тянуть?

– А это так легко разве?

– В твоём нынешнем положении – да.

Что-то в голосе собеседника заставило насторожиться, я хмуро глянул на него сверху вниз и уточнил:

– В каком ещё таком положении?

– В пиковом! – улыбнулся дядя Вова. – Сболтнёшь лишнего на допросе и простой высылкой за сто первый километр уже не отделаешься. У тебя ж второй пси-разряд, на рудники поедешь! В лучшем случае на обогатительное производство направят, но там тоже жизнь не сахар. Неспроста же вахтовый метод внедрён!

– Ты так говоришь, будто для получения третьего разряда одного моего желания достаточно!

Упырь кивнул.

– Достаточно. Тебе ж неделю пси-концентрат прокапывали!

– Врач сказал, этого для ускоренного развития экстрасенсорных способностей не хватит!

– Этого – не хватит, – подтвердил дядя Вова. – Но три дополнительных кубика пси-концентрата...

Я озадаченно прочистил горло.

– Ты об ампулах, которые у Михалыча подрезал?

Дядя Вова кивнул.

– Мне чистый пси-концентрат без надобности, – пояснил он, – а тебе может польза выйти.

– Но может и кое-что другое войти! – нахмурился я. – А если я на эту гадость подсяду?

Упырь окинул меня оценивающим взглядом и покачал головой.

– Не подсядешь. Базу капельницами тебе хорошую заложили, превышать рекомендованную дозу не придётся. Двойного превышения точно не допустим, а это само по себе минимизирует риск развития зависимости.

Я передёрнул плечами.

– А на кой мне третий разряд? Ну, будет доплата не двадцать рублей, а тридцать – и что с того? Прав тоже не принципиально прибавится. Один чёрт – от допроса отвертеться не получится!

– Не получится, – признал дядя Вова. – Но с очень-очень большой вероятностью ты сможешь осознавать себя во время гипнотического транса.

– Это такой признак третьего разряда?

– Это такой побочный эффект от ударной дозы пси-концентрата, – улыбнулся упырь. – Точнее, в нашем с тобой случае это и будет главным результатом, а развитие экстрасенсорных способностей – уже так, постольку-поскольку.

Я нахмурился.

– А ты-то чего так из-за допроса переживаешь? Это Дашке волноваться надо! Ну и мне за покалеченного инженера... – Я осёкся и озадаченно хмыкнул. – Хм... У него третий разряд, и у меня третий разряд будет. Паритет, однако!

Дядя Вова кивнул.

– И это тоже. А переживать мне... – Он пожал плечами. – Да не из-за чего особо переживать. Ну, турнут в какую-нибудь дыру, там поработаю. Занятость у нас в стране полная, милостыню просить нужды не возникнет, со спецобеспечения не снимут. Только это ж всё сызнова начинать придётся, а у тебя в отличие от зелёного молодняка мозги в нужном направлении работают, получишь третий разряд – неплохие варианты для денежной халтуры появятся. А это – связи. Как говорится, ты – мне, я – тебе. Рука руку моет!

– У тебя самого третий разряд! – напомнил я.

– Только пси-энергия восстанавливается исключительно за счёт донорской крови! – скривился упырь и легонько пихнул меня в грудь. – А ты орк в самом расцвете сил! Пожрал, поспал и снова как огурчик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.